

Н. НАДЕЖДЫНА

НЕ УХОДИ
АУК!

Д

Н. НАДЕЖДИН

НЕ УХОДИ,
АУК!

Н. НАДЕЖДИНА

НІ УХОДИ,
АУК!

ЛЕСНЫЕ СКАЗКИ

МОСКВА
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1983

P2
H17

ХУДОЖНИКИ О. и Е. ВЕЛЧИНСКИЕ

Надеждина Н. А.

H17 Не уходи, Аук!: Лесные сказки/Рис. О. и Е. Велчинских.— М.: Дет. лит., 1983.— 111 с., ил.

В пер.: 45 коп.

Сказки о лесе, о том, что там растёт, кто там живёт — деревьях, цветах, птицах, зверях, автор показывает, что в лесу всё живое связано между собой.

H 4803010102-265 201-83
M 101(03)83

P2

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1983 г.

КТО ОН ТАКОЙ?

Сперва я тебе расскажу про того, чьё имя повторяет лесное эхо: «Аук! Аук!» В этой книге он главный, а ты про него ничего не знаешь: кто он, сколько ему лет, где он живёт?

У него удивительный дом. Днём по потолку ходит солнце, ночью там светят луна и звёзды, осенью идёт дождь, зимой падает снег. И всем это видно, потому что у дома нет крыши. И окон нет. И стен и дверей тоже. Каждый, кто хочет, может входить свободно. Дом Аука открыт для всех.

Дом так велик, что в нём можно заблудиться. Но такой дом и нужен Ауку. Ведь у него огромная семья: тысячи внуков и внучек, все красивые, только сдвинуться с места не могут, потому что вросли в землю.

И ещё живёт в этом доме самый разный народ. Кто прячется в подземелье, кто на собственных крыльях взлетает на верхние этажи. Лестницы и лифта нет, а этажи с весны до осени сами по себе всё выше и выше растут.

Живут в доме Аука тихони и молчуны, чьих голосов не услышишь. Живут и певцы, трещотки, свистуны. Весной хор поёт круглые сутки, замолкая лишь во время дождя.

В доме Аука много чудес. Есть аптека без продавцов, где денег не платят и рецептов не спрашивают. Лесные звери и пришлые кошки и собаки носом, почуяну, находят нужные им лекарства в упаковке из листьев, стеблей и корней.

В доме Аука боятся огня. Обед не варят, чай не кипятят, зимой пьют снег, летом чистую воду. Когда из ручья, когда из дождевой лужи, а чаще всего питьём служит роса.

Много народа живёт в доме Аука, но там всегда красиво и чисто. Если кто намусорит, то только гости. Бывают такие неряхи. А ведь хозяин принимал их по-доброму: угождал орехами и ягодами. Он очень гостеприимен, Аук.

Сколько же ему лет? Аук не так стар, как море и горы. Они самые старшие на Земле. Но и лес появился очень давно. А где лес, там и Аук.

Кто же он такой? Он — сказка о лесе, о вечно живой силе природы, которая и удивляет, и радует нас, и загадывает нам загадки. Многие из них мы ещё не в силах разгадать.

В давние времена человек мало знал и всего боялся: грома, молнии, ночной темноты, дремучего леса. Но всё больше и больше узнавая жизнь природы, люди поняли, что лес не страшен, не злобен, он могуч, щедр и прекрасен, он человеку друг.

Девочка Брусничка, с которой ты скоро познакомишься, называла сквозного Хозяина леса по-родному: дедушка Аук. Ты узнаешь, каким Брусничка его себе придумала.

Но ты можешь с ней не согласиться и представить себе Аука совсем по-другому, по-своему.

Все ребята любят фантазировать. Буду рада, если ты нарисуешь своего Аука и пришлёшь рисунок мне.

Но сперва прочитай эту книгу.

ПРО САМОГО АУКА

Все знают, что дерево неподвижно. Но бывают такие удивительные минуты, когда срываются с места и те, у которых нет ни крыльев, ни ног.

Посмотри осенью, как созревшие семена клёна кружатся в воздухе, словно рой жёлтых стрекоз. Это отправились в путешествие будущие клёны. Это Аук сеет лес.

Посмотри весной, как растопыриваются еловые шишки и весенний ручей уносит выпавшие из них семена. Это плывут на новоселье будущие ели. Это Аук сеет лес.

Сеять лес — его любимое занятие. Он сеет в любую погоду, днём и ночью, на севере, на юге, на востоке, на западе. Если бы бессчётное множество семян не погибало, он бы засеял лесом земной шар.

Нет на Земле такого неутомимого, неугомонного, неистового сеятеля, как Аук!

У него огромные сялки, ни одну из них человеку не поднять. Ведь не возьмёшь в руки ни осеннее небо, ни весенний ручей, ни городскую улицу, ни засыпанную снегом поляну, по которой, как на лыжах, скользят на прилистниках будущие липы — бурые шарики семян.

Семена летят, плывут, ползут, кружатся, катятся, прилипнув к птичьей ноге, уносятся в неизвестную даль, скачут верхом на звере, запутавшись в его шерсти.

Может, и ты, возвращаясь из леса, сам того не зная, несёшь будущее дерево, или куст, или цветок на подошве ботинка, на рукаве, на спине.

Зачем Ауку плуг и борона, лопата и грабли, если по тайге бродят стадами дикие кабаны? Разыскивая упавшие кедровые шишки, кабаны своими длинными рогами вспашут, разрыхлят землю под будущие кедры.

А сеять кедры будут белки и таёжные птицы-кедровки. За-

капывая орехи про запас на зиму, они, бывает, не могут разыскать свои подземные тайнички.

— Бедная я, бедная! — жалуется кедровка.— Кому достанутся мои орехи?

Зато Аук доволен. Кому достанутся? Лесу! Из зарытых и забытых птицами и белками кедровых орехов вырастут новые деревья. Лес вас кормит, отплатите лесу добром за добро!

Что ещё придумал Аук? Запрятал в сочную мякоть ягод семена до того твёрдые, что птичьему клюву их не расклевать, птичьему желудку не переварить. Волей-неволей дрозды, наклевавшись оранжевых ягод, сеют в лесу рябину, а любители бузины — славки, зарянки, вороны — сеют бузину.

Всех заставляет служить себе Аук: и человека, и воду, и ветер, и кабанье рыло, и беличью лапу, и птичий клюв.

Нет на Земле сеятеля хитрей, чем Аук!

И в каждое из семян он вложил такое упорство, такую яростную силу жизни, что, куда бы оно ни упало — на груду щебня, в трещину кирпичной стены, — корешок, извиваясь, будет искать, нащупывать щёлку, где есть хотя бы горстка земли.

А росток, согнувшись в три погибели, чтоб не сломаться, будет толкать белым затылком заваливший его щебень. Некоторые ростки пробиваются даже асфальт.

И на фабричной трубе может вырасти деревце. Пусть ему там жить плохо, но пока оно живо, его ветки трепещут на ветру, как победный зелёный флаг. И такие же зелёные флаги поднимаются всюду, где двинулся в наступление лес.

Наступление леса начинается с опушки. Отсюда на пустошь забрасывается первый лесной десант: лёгкие, летучие семена берёз и осин.

Берёзы и осины быстро растут, но недолго живут. Им на смену забрасывается второй десант: семена ели. Маленькие ёлочки боятся солнечных ожогов, и уже подросшая берёзка, как щитом, своей тенью прикрывает сестру. И ещё её подкармливает, удобряя землю опавшим листом.

Где какому дереву прижиться, решают трое: солнце, вода и земля. Солнце прогревает на севере только верхний слой земли, но для ёлки этого достаточно. Её корни тянутся далеко, но не проникают в землю глубоко. Внучке ёлочке поручил Аук заселить суровый северный край.

А вот у сосны сильные, цепкие, глубоко уходящие в землю корни. В горных походах она лучшая скалолазка, взбирается на такие кручи, куда ёлочке не залезть. И засуху она способна вытерпеть. Свою длинноногую внучку сосенку Аук посыпает поко-

рять горы, усмирять голые зыбучие пески, завоёвывать болотную топь.

Ждать вестей от внуков и внучек приходится долго. Сто лет пройдёт, прежде чем вырастет лес.

Но Аук терпелив. Он ждёт.

Его почтальоны — все пролётные птичии стаи. Что же расскажут Ауку, возвращаясь с севера, журавли?

— Курлы-курлы! — кричат журавли. — Мы видели чудо: берёзки ростом не выше нас, журавлей. На зиму они с головой уходят под снег, и никакие морозы им не страшны!

Вести поступают и с юга. Их принесла на своих чёрных с жёлтыми пятнами крыльях, вернувшись с зимовки, красавица иволга.

— Почему опоздала? — спрашивает её Аук. — Погода была лётная. Я ждал тебя ещё три дня назад.

— По-че-му? — весело посвистывает иволга. — Я задержалась в степи, где раньше плакало поле. А как было ему не плакать, если ветры выдували лучшую землю, губили посев? Но сейчас на пути ветров встала зелёная застава. Должна же я была спеть лесную песню пограничникам — твоим внукам вязам, клёнам и дубкам.

Над морским берегом летит птичья стая. Ветер раздувает вершины сосен, словно зелёные просмолёные паруса. Затих, стал неподвижным зыбучий песок, сосны пронизали его своими длинными корнями. И морские волны поют славу дереву, укротившему пески.

Над болотами летит птичья стая. И там растёт сосна. Правда, тоненькая, как свечка. Но растёт.

Стаи летят кто строем, кто кучкой. А по бокам — одиночки хищники, подстерегая тех, кто устал, кто отстал.

— Во время перелёта через горы, — доносит Ауку сокол, — я видел сосны на одной из вершин. Не всякая птица залетит так высоко. С твоими внучками разговаривают орлы. У их подножия стелются облака.

— Внучки мои, внуки мои! — радуется Аук. — Сила и слава моя!

Но не всегда птичья крылья приносят Ауку радостные вести.

Осенью возвращаются с севера белые лебеди, и в лебединых кликах Ауку слышится плач.

В лесной тесноте деревья защищают от ветра друг друга. Но в северном редколесье елям, с их неглубокими корнями, трудно устоять против ветра.

Лебеди пролетали над еловым побоищем. Ветер сражался с лесом, и ветер победил.

Белые птицы кружились над поверженными елями. Вырванные из земли с корнями, могучие деревья умирали молча и гордо, как стоявшие насмерть бойцы.

Но как бы ни были велики потери Зелёного Войска от ветра или, что ещё страшней, от лесного пожара, не такой у Аука характер, чтоб смириться, признать своё поражение.

Ещё остались на севере непобеждённые, неповаленные деревья. Пусть ветер многие из них искалечил, начисто отсек ветки с подветренной стороны. Но эти, похожие на однокрылых птиц, лохматые ели живы.

Они поют свою лесную скрипучую песню. Весной из растрескавшихся шишек упадут на снег новые семена.

Нет! Аук не сдаётся! Он снова будет сеять, снова наступать.

На гарях вспыхнут малиновые султаны иван-чая, потом зазеленеют кусты, запоют птицы. Лес вернётся на старое пепелище.

Отнять землю у леса может только человек.

Человеку нужно много земли, чтобы строить города и посёлки, пахать поле, разводить скот, сажать сады. Но, заботясь о лесе, он сажает и ели, сосны, берёзы; не вырасти новым поколением внучек и внуков Аука, если на помочь лесу не придёт человек.

Если ты спросишь, почему грачи прилетают первыми, раньше ласточки, раньше стрижа, я отвечу: посмотри на грачий клюв.

Если ты спросишь, почему грачи вьют гнёзда не в лесной глухи, а в светлой берёзовой роще или чаще всего на деревенских околицах, на городских окраинах, на кладбищах, на растущих вдоль дороги деревьях, я отвечу: посмотри на грачий клюв.

Это клюв птицы-землекопа. У старого грача он белеет и блестит, как лопата, много поработавшая на своём веку.

Если бы ласточки прилетели в весеннюю рань, когда ещё не проснулись ни комары, ни мошки, они бы погибли от голода. А грачи, копаясь на проталине, найдут, чем поживиться. Потому они и селятся поближе к полю, где раньше оттаивает земля.

Грачи очень гордятся тем, что раньше всех перелётных, первыми начинают птичью весну.

Я расскажу тебе, как это случилось.

В ту пору Аук ещё не составил весеннего расписания, и когда кому возвращаться с зимовки, никто толком не знал.

Мартовским утром лес был по-зимнему молчалив. И вдруг тишину нарушил многоголосый разговор стаи. На лесной поляне словно кто-то разбросал крупные куски угля. По насту разгуливали грачи.

— Каким ветром вас принесло в такую рань? — строго спросил Аук. — Все перелётные ещё на зимовках. Я вас не звал.

— Нас позвало небо! — выпятил грудь Вожак. — Я увидел в небе весну, пушистое облако, которого зимой не было, и привёл домой стаю. Похвали нас, Аук, за то, что мы прилетели первыми.

— Да, мы первые! — загорланила стая. — Мы самые ранние, самые смелые! Мы, мы, мы!!!

— Но в лесу ещё нет весны, — покачал головой Аук, — земля под снегом. И похоже, что он не станет до новой луны.

— До новой луны? Так долго ждать! Да мы погибнем от голода.

Кто-то из молодых предложил вернуться обратно, но его не захотели слушать.

— То ли тебя ослепило солнце, то ли у тебя глаза крота! Неужели ты не видишь, что все устали и не в силах далеко лететь?

Стая волновалась всё сильней и сильней. Какая-то сердитая грачиха, растопырив крылья, подскочила к Вожаку:

— Это ты во всём виноват, ты нас погубил! Мы летели вить гнёзда. Где же весна, ради которой мы торопились домой?

— Где весна? — угрюмо повторила стая. — Где весна, Вожак, которую ты нам обещал?

Ауку стало жаль и голодных птиц, и отчаянного Вожака, на которого они надвигались. Вот-вот заклюют.

— Может, вам и не так далеко лететь! — сказал Аук. — Ищите чёрную оттаявшую землю. Сейчас только она сможет вас прокормить.

Грачи молчали. И тут вперёд выступил Вожак:

— Что носы повесили? Будем искать весну. Ради будущих гнёзд, ради грачат мы должны найти чёрную землю. Я лечу первым. Кто за мной?

И стая неохотно поднялась на крыло.

Пока грачи летели над лесом, им с высоты была видна лишь белевшая между деревьями снежная земля.

Но лес кончился. Миновав деревню, стая свернула в поле. И в белом море снега простили чёрные островки. В поле, где всё открыто солнцу, раньше, чем в лес, приходит весна.

— Мы нашли весну! — крикнул Вожак. — Я вижу чёрную землю! Покорми нас, добрая земля!

Стая опустилась на проталину. Кто-то длинным клювом вытащил запрятавшуюся в подземном убежище личинку, кто-то выхватил полусонного червячка.

Наевшись, грачи повеселели и уже без ропота полетели в деревню вслед за Вожаком.

Там, на окопице, Вожак заметил высокие берёзы. Грачи живут по законам стаи и во время перелётов, и дома держатся вместе, вьют гнёзда рядом. Берёзы, которые они выбрали, становятся птичьим посёлком, где каждое дерево многоквартирный, шумный, но дружный грачий дом.

Птичий крики всполошили всю деревню. Старики и старухи, улыбаясь, выглядывали из окон, молодые вышли на улицу.

— Грачи прилетели! — прыгали от радости мальчишки.

И растроганные грачи решили, что всегда будут прилетать в эту пору и своего первенства не уступят никому.

— Если есть проталины, они нас прокормят,— сказала сердитая грачиха,— но как мы узнаем, что уже открылась чёрная земля?

— По облаку, которое позвало нас домой! — ответил Вожак.

Наверное, тебе случалось, приложив губы к замёрзшему стеклу, продыщать щёлку, чтоб видеть, куда тебя везёт автобус. А проталины — это щёлки в снегу, которые продыщали чёрные влажные губы согретой солнцем земли. И всплыvшие над проталинами кучевые облака — это дыхание земли, ставшее видимым.

Пусть и для тебя кучевые облака будут весенним сигналом. В поле проглянут проталины, и ты услышишь крики вернувшихся с зимовки грачей:

— Мы самые первые, самые ранние, самые смелые! Мы, мы, мы!!!

Хотя Аук сам посоветовал грачам искать чёрную землю, но он надеялся, что гнёзда они будут вить в лесу. Грачи не вернулись, и Аук загрустил.

А что, если и другие перелётные птицы вернутся домой в ту пору, когда лес ещё не может их прокормить? Он потеряет их, как уже потерял грачей. Плохо тогда будет лесу! Листву на деревьях сгложут гусеницы, зверям не станет покоя от комаров.

Надо было что-то придумать. И по вызову Аука с зимовки в Африке прибыл скворец. Пёрышки на его груди отливали на солнце фиолетовым и зелёным.

Птица радуется, вернувшись домой. От радости скворец запел. Он пел, растопырив крылья и полузакрыв глаза, восхищаясь собственной песней и собой.

— Запомни сегодняшний день,— сказал Аук, когда скворец кончил петь.— Я составляю весеннее расписание для всех пере-

лётных птиц леса, поля и реки. Каждая птица будет возвращаться домой в сытное для неё время. Сегодня твоё поющее число.

— Моё? — удивился скворец.— Но я не вижу в лесу ничего съедобного. Почему ты решил вызвать с зимовки именно меня?

— Из-за твоего носа! Он поменьше грачного, но тоже может копаться в чёрной земле. И тебя прокормит проталина. Где тебе поселиться, решай сам, я тебя не неволю. Помни, что в лесу для тебя найдётся дупло. Когда устроишься, вызовешь с зимовки свою подругу.

Аук знал, что скворцы отличаются верностью и выбирают пару на всю жизнь.

— Она не задержится,— заверил Аука скворец.— Ей должна понравиться моя последняя песенка, в которую я вставил кое-что новенькое из подслушанного мной в Африке. Ты это не заметил? Тогда я спою тебе её ещё раз. Но сперва я должен позавтракать.

И скворец полетел в поле.

— А вот и я! — весело крикнул скворец насторожившимся при его появлении грачам.— Не ждали? Не отрицаю: вы первые, но и я не последний. Аук составил расписание не только для одного меня, и у вас ещё будет много встреч.

Скворец не ошибся. Всё ширились и ширились в поле проталины, да и в лесу уже и маленький клюв мог подобрать с оттаявшей земли семечко, склевать проглянувший росток. Жаворонок спел первую песню поля, а лесной забияка зяблик отметил первой дракой своё поющее число.

Запел лес, запело поле, но река ещё по-зимнему молчала.

И вот на плечо к Ауку опустилась белая трясогузка.

— Лети к реке,— сказал ей Аук.— Разбуди её, она ждёт тебя.

Подрагивая хвостиком, трясогузка побежала по берегу. Её звонкую трель заглушил пушечный грохот ледохода. Это был как бы салют пичужке, которая спела первую песню взломавшей свои ледяные оковы реке.

И потянулись домой птицы, которые кормятся у воды или на воде. Закричали в небе пролётные стаи гусей и уток, засверкали на солнце лебединые крылья, забегали по берегу длинноногие кулики.

Одному из них, желтоглазому, в чёрном галстучке речному зуйку, трясогузка похвасталась:

— Это я своим хвостиком лёд расколола! Не веришь? Нет?

Зүёк деликатно промолчал. Он не сомневался, что лёд треснул сам по себе, но он признавал и заслуги трясогузки, она по-

дала сигнал не только птицам. Люди прозвали белую трясогузку ледогонкой, заметив, что с её прилётом на реке начинался ледоход.

Пела река песню свободно бегущей воды.

Пело поле песню проснувшейся земли.

Пел лес, хотя и не в полную силу. Ещё не было слышно ни кукушки, ни пеночки-трещотки, ни славки-черноголовки, ни

соловья — многих птиц, которыми особенно дорожил Аук, потому что они охотятся за вредными для леса насекомыми.

Чтобы, вернувшись домой, все эти птицы были довольны и сыты, Аук прикидывал: кому прилетать к майскому параду жуков, кому к открытию комариных игр, кому по зелёному сигналу лакомой для гусениц молодой листвы.

Вспоминая, не пропустил ли кого-нибудь, Аук прислонился к дереву. А оно загудело:

— Скажи, Аук, какие цветы нас ждут?

Это проснулся и заговорил зимовавший в дупле Пчелиный Народ. А на лесной земле не было ещё ни одного распустившегося цветка.

Аук погладил голые красные ветки вербы.

— Распуши барашки, вербушка! Выручи меня!

По пчелиному обычаю, рой сперва высыпает пчелу-разведчицу. После облёта она, станцевав танец мёда, оповестит пчелинью семью о цветах, с которых можно собрать взяток.

— Верба, верба, верба! — танцевала разведчица.— Первый мёд, первый мёд, первый мёд!

Не успев одеться в листья, верба цвела, зазывая пчёл золотистым сиянием тычинок.

Пчёлы полетели к вербе, а Аук стал готовиться к новым встречам. Он не хотел, чтоб гудение шмелей застигло его врасплох.

В лесу ещё не везде стаял снег, но пролеска благородная набирала бутоны. Аук наклонился над ней:

— Я вижу, ты храбрая. За это тебя будут называть подснежником. Но будь и храброй, и доброй. Пусть в твоей синей чашечке найдётся сладкая капля нектара для моего друга шмеля.

Так в весеннем расписании Аука, кроме поющих чисел, появились цветущие и жужжащие числа. Всё нужно лесу: и птицы ненасытные клювы, и трудолюбивые пчелиные и шмелиные хоботки.

От множества забот Аук устал. Но едва лишь собрался отдохнуть, как к его ногам опустился тетерев-косач, лесной чёрно-синий петух с красными бровями, и зачухыкал.

— Ты чего распетушился! — отмахнулся от него Аук.— Ты никуда не улетал, и сейчас мне не до тебя.

— Чуфык! — бормотнул тетерев.— И у тех, кто улетал, и у тех, кто не улетал, будут детёныши. Ты подумал о лете, Аук?

Лето на языке Лесного Народа называется Временем Новых Следов. Новое поколение оставляет на земле следы своих лап и лапок.

Летнее расписание Аука украсили красные, чёрные, сизые, жёлтые, розовые бусины ягод. Птички и звериные малыши особенно любят чернику, воронику и малину.

Но тут обиженно засвистел дрозд-рябинник:

— А где же оранжевое рябиновое число, Аук? Ягоды нужны и осенью. Если перед отлётом нас не накормит рябина, мы, дрозды, до зимовки не долетим!

А потом зацокала белка:

— У меня к тебе просьба, Аук! Сделай так, чтобы орехи поспевали до заморозков, и я могла бы их закопать про запас. Зимой у меня сон плохой. Проснёшься, и хочется пощёлкать орешков.

А потом захрюкал кабан:

— Аук! Прикажи дубу ронять спелые жёлуди осенью, чтобы мы, кабаны, разжирели перед голодной зимой.

И олень присоединился к просьбе кабана, три раза топнув о землю копытом.

Просили ещё многие звери, птицы, деревья, травы. Просили кто как умел — хлопали крыльями, топали, тявкали, рычали, ворчали, шуршали, шелестели, гудели, щебетали, пищали: не забудь нас, Аук!

И пришлось Ауку написать расписание для всего Лесного Народа на весь год.

Зато теперь порядок. Каждый лесной житель знает свой срок: когда кому менять летнюю шубу на зимнюю, когда засыпать осенью и когда просыпаться весной, когда кому зацветать и когда созревать семенам, когда кому улетать и когда прилетать домой.

Многие люди — учёные, охотники, лесоводы, пчеловоды, грибники — пользуются расписанием Аука. Этому можешь научиться и ты.

О чём говорит тебе бабочка-крапивница, то закрывая, то раскрывая свои пёстрые крыльшки? Она говорит: «Я апрель!»

Апрель закукует первой кукушкой, закурлыкает в небе журравлём, глянет на тебя синими и лиловыми глазами подснежников.

Май загремит первой грозой, заблестит молодым листом, загудит майским жуком, защёлкает соловьём, запахнет ландышем.

«Я август!» — вспучит лесную подстилку белый груздь.

«Я сентябрь!» — упадёт к твоим ногам жёлтый лист.

Ноябрь проскачет по лесу перелинявшим зайцем-беляком.

Если бы даже сгорели все на свете календари, по птичей песне, по цвету листвы, по шерсти зверя, по спелой ягоде, по

шляпке гриба можно узнать, какой сейчас месяц в году, только зорко смотри и чутко слушай!

Правда, бывают годы, когда сроки сдвигаются, но уж в этом Аук не виноват.

Бывает такая долгая и тёплая рябиновая осень, что дрозды-рябинники, по своему птичьему легкомыслию, забывают про отлёт.

Бывает, в марте засыпает снегом чёрную землю, и грачам на время приходится откочевывать на юг.

Бывает, в апреле вернутся морозы, и капли сока, которые, как слёзы, роняла раненая берёза, замёрзнут. Повиснут на дереве сладкие сосульки, берёзовые леденцы.

Однако Аук не изменит своего расписания, потому что писал его не на один год.

Он писал его на века.

Как давно это было, я тебе сказать не могу. Известно одно, что в тех местах, о которых будет рассказ, люди тогда не ели мочёной брусники. И черничных киселей не варили. Потому что ни брусники, ни черники да и других ягод они ещё не знали.

В те далёкие-далёкие времена в глухой лесной деревушке рождалась девочка такая маленькая, что её называли Невеличкой.

Мать умерла рано, Невеличка её не помнила. Отца она почти не видела, он уходил на заработки. Что самое дорогое было у девочки? Бабушка и лес.

Лес пел малышке колыбельные песни. За ветки кустов она хваталась, как за родные руки, когда учились ходить. Лес начинался сразу за огородом. И дальше, куда ни глянь, всё зелёное — кусты да деревья. И девочке казалось, что зелёному лесу, как и синему небу, нет конца.

Бабушка рассказывала девочке, что за могучими стволами, за густыми кустами живёт в чаще Лесной дед — Аук. Все деревья ему внуки и внучки: и берёзка внучка, и ёлочка внучка, и дуб ему внук, и клён ему внук.

Звери, птицы, козявки — весь Лесной Народ обращается к Ауку за помощью. Медведю он вытащит занозу из лапы, ежу наточит иголки, бабочке заштопает крыло. Аук всё может: захочет, обернётся зверем, птицей, деревом, захочет — человеком.

Аук бывает грозным и страшным. Но тому, кто любит и бережёт лес, бояться нечего: Лесной дед ему друг.

— Почему ты зовёшь его дедушкой? — спрашивала бабушку Невеличка. — Разве он нам родной?

— А как же не родной! — отвечала бабушка. — Лес нас кормит, одевает, обувает. Без леса нам не прожить.

И правда: и грибы, и ягоды, и пчелиный мёд, и лучина, которая освещала избу, и хворост, пылавший в печи, и лапотки на ногах Невелички, и ложка, которой она ела, и скамейка, на

которой она сидела, и стол, и пол, и крыша, каждое брёвнышко избы, в которой они с бабушкой жили,— всё было из леса, а значит, от Аука.

Невеличке очень хотелось с ним повстречаться. Только он не показывался ей на глаза. А вот слышать его она слышала.

Тёплым весенним вечером бабушка с внучкой любили посидеть на крылечке. Уже скрылась за деревьями горбушка солнца, золотистая, как хлеб, только что вынутый из печи. Закрылись на ночь цветы, замолчали зарянки, а лес всё шумел и шумел.

— Бабушка! Почему Аук никак не уgomонится? Уж скоро ночь, а он всё разговаривает и разговаривает с внуками..

— Видно, есть о чём поговорить. Да и стар он. А на старости лет плохо спится. Тебе с ним не равняться. Иди-ка спать!

Девочка слышала голос Аука и в летние грозы. Стоя у открытого окна, она смотрела, как листья деревьев выворачивались ветром наизнанку, трава припадала к земле, а кусты колотила дрожь. Да и самой Невеличке было страшно, когда чёрное, мохнатое небо прорезала огненная изломанная черта.

— Бабушка! Кто это в небе с огнём балуется? — спрашивала девочка.

— Это Лесной дед баньку затапливает. Что дереву, что кусту, что самой малой травинке — всем хочется помыться. Только они не любят, чтобы кто-нибудь подсматривал, как они моются. Закрой, внучка, окно!

Голос Аука девочка слышала и зимой. Когда они с бабушкой собирали хворост, в лесу сердито потрескивало.

— Это он кряхтит, на стужу жалуется,— говорила бабушка.— Должно быть, на зиму обернулся деревом. Но в лютый мороз и у дуба кора трещит. Да и я, признаться, озябла. Дома отстяпаюсь, и полезем греться на печь.

Когда Невеличка подросла, то стала ходить в лес и одна. Как-то, собирая грибы, она услышала тихое шипение. Из травы медленно поднялась плоская змеиная голова.

Но девочка не испугалась. Она вспомнила слова бабушки: ни одно лесное животное первым не нападёт на человека. Не тронь меня, и я не трону тебя!

— Прости, что нечаянно тебя потревожила,— сказала змее Невеличка.— Не злись, не шипи, я ухожу.

И змейя, посмотрев вслед девочке своими немигающими глазами, снова уснула, свернувшись в холодный клубок.

Лесной Народ навещал Невеличку и на дому. Летом ежи топтались на огороде, где в борозде для них была поставлена мисочка с молоком. Зимой на огород погрызть капустную коче-

рыжку прибегал заяц, синицы просили корма, заглядывая в окно.

Вот так и жили бабушка с внучкой, пока отец Невелички не женился второй раз, взял в дом вдову с дочкой. И всё переменилось. Ежей прогнали, синиц отвадили, бабушку выжили.

Новая хозяйка сказала, что нет в её доме места колдунье. Так она обозвала бабушку за то, что бабушка лечила деревенских лесными травами. И бабушка уехала в другую деревню к младшей дочери.

Сперва Невеличка обрадовалась мачехиной дочке. Они были одногодки, родились в тот месяц, когда осень с летом встречаются, даже в один и тот же день. Но девочки не подружились.

Мачехина дочка всюду любила совать свой нос, подсматривать, подслушивать, а потом высмеивать.

— А у соседей бабка с дедом подрались! Хи-хи! А наша курносая в лесу с пнями разговаривает! Хи-хи!

— Не с пнями, а с Ауком! — оправдывалась Невеличка.

— Аук? Кто он такой? Ты его когда-нибудь видела?

Невеличка убегала в лес и подолгу аукала:

— Аук, отзовись! Дедушка Аук, покажись!

Может, Аук и отвечал ей шорохом травы, шелестом ветвей, птичьим свистом, но по-прежнему был невидим.

Невеличка видела Аука только во сне: будто он невысокий, но кряжистый. Ходит в лаптях, на которых растут опята. Борода у него голубовато-серая, цвета лишайников, а глаза молодые, шустрые и любопытные, как у щенка.

Но вот в лесу запахло осенью. Появились грузди, которых раньше августа не найдёшь.

Вечером накануне рождения дочки мачеха поставила тесто на пироги. И Невеличка обрадовалась:

— Вот хорошо, вот спасибо! Завтра я тоже гостей позову!

— Какая прыткая! — прищурилась мачеха. — Нам и на своих гостей пирогов не хватит. И кто к тебе придёт, кому ты нужна?

— Пусть она позовёт своего Аука, которого на свете нет! — съехидничала мачехина дочка.

— Думаешь, не позову?

И за Невеличкой захлопнулась дверь.

Девочка бежала, бежала по лесу, пока не упала, споткнувшись о корень, который в сумерках не могла различить. Так поздно Невеличка никогда не бывала в лесу и впервые в жизни заблудилась.

— Аук! — позвала она шёпотом. — Где ты? Ау!

В кустах орешника зашуршало, и к ногам девочки подкатился тёмный клубок.

— Ты кто? — осторожно потрогала его Невеличка.

Колючий... Да это ёж! Уж не тот ли самый, который приходил к ней в огород пить молоко?

Живой колючий клубок покатился по лесу. Невеличка пошла за ним. Темнота всё сгущалась, и девочке было трудно следить за своим проводником.

Но тут прилетела сова, чьи глаза светились, словно два жёл-

тых фонарика. Может, та самая, с подбитым крылом, которая жила у них дома, пока не поправилась.

Фонарики-глаза звали девочку за собой.

Невеличка вышла на лесную поляну. От поросшего опятами трухлявого пня лучилось зеленоватое сияние. При холодном свете гнилушек старичок, точь-в-точь такой, какого девочка видела во сне, пришивал паутинками белые заплатки на шляпки красных мухоморов.

— Дедушка Аук! — ахнула Невеличка. — Они мне не верили, они смеялись, но я знала, что ты есть! Придёшь ко мне завтра на день рождения?

— Не обижайся, но не могу я сидеть в избе, душно. Да и дел у меня много. Все мухоморы заплатки смыло дождями. И птиц надо проводить. Иволга и чечевица собрались в отлёт.

Значит, не придёт... Девочкины слёзы закапали на дедово плечо.

— А ну, перестань! Нечего мне дождик устраивать! И так сырь. Твой день рождения мы справим в лесу. И подарок получишь, и гостей позовёшь сколько хочешь.

— А чем же мы их будем угождать?

— Не бойся: угождение найдётся. Пока отдыхай. Заночуешь у нас.

Аук свистнул, и на полянку выскочил заяц.

— Проводи гостью. Там ей под дубом постелено. И погрей девочке пяточки.

Невеличка убежала из дома босиком, и от вечерней росы ноги у неё были мокрые и холодные. Но когда заяц прикорнул у её ног, ей стало тепло.

Лёжа в постели — огромном, свитом из мха гнезде, девочка смотрела на крупные августовские звёзды. Они падали с неба одна за другой, как падают с веток спелые жёлуди.

Девочке было уютно, словно в родном доме. Только слышала она не шёпот бабушки, а голоса ночного леса.

— Я сплю! Сплю! — повторяла сова-сплюшка.— И ты спи, спи, спи!

И девочка уснула.

Утром, когда она проснулась, ни зайца, ни Аука не было. Может, они ей приснились? Но тогда кто оставил возле пня новенькую, сплетённую из ивовых прутьев корзинку?

И что всего удивительней: за одну ночь под соснами выросли маленькие кустики. Их словно обрызгала красная роса. Невеличка собрала с ветки несколько красных росинок, и они не растеклись у неё в руке. Она их попробовала: да они вкусные!

Так вот какой подарок ей приготовил Аук! В лесу появились ягоды. Они висели на веточках, как блестящие бусинки, которые спелые — сплошь красные, а которым ещё надо доспеть — белые, с румянцем на тугой щеке.

Теперь девочка могла позвать в гости хоть всю деревню.

Невеличка приложила ладошки ко рту и закричала:

— Дев-чон-ки-маль-чиш-ки-тё-тень-ки-дя-день-ки-ба-буш-ки-де-душ-ки! Берите корзинки и айда в лес на день рождения к Невеличке. Я приглашаю, Аук угощает. Приходите все!

Ватага мальчишек пробежала мимо окна, из которого, поджидая гостей, выглядывали мачеха с дочкой.

— Вы куда, пострелята? — окликнула их мачеха.

— Туда! — мальчишки помахали корзинками. — В лес!

Потом у окна защебетала весёлая стайка девчонок.

— Вы к нам, девочки? Дочку мою поздравить хотите?

— Нет, мы не к вам. Нас позвала в лес Невеличка.

— «Позвала»! — фыркнула мачехина дочка. — А чем она вас будет в лесу угождать: мхом или корой? А у нас пироги!

Девочки пошептались, но не свернули с дороги.

А за ними повалил народ: парни, девушки, бабушки, дедушки... Все с корзинками. И все мимо дома с пирогами в лес на день рождения Невелички.

— Хи... — начала было мачехина дочка и замолчала. Над кем смеяться? Над собой? Никто поздравить её не пришёл.

Долго одиноко сидели у окна мачеха с дочкой, слушая, как на опустевшей улице кудахтают куры.

Но вот до них донеслась весёлая песня. Пели деревенские, возвращаясь из леса. Вместе со всеми шла и пела Невеличка.

И старые, и малые проводили девочку до самого крыльца и хором благодарили:

— Вот угодила! Вот удружила!

Чем заслужила девчонка такую ласку, такой почёт?

Мачехина дочка соскочила с крыльца, а потом и сама мачеха вмешалась в толпу. Глаза у неё разгорелись, когда она заглянула в девочкину корзинку. Такой товар можно свезти в город. Его на рынке с руками оторвут.

И мачеха засуетилась:

— Что же ты стоишь на пороге, милая? Пирог остыл. Всё тебя дожидаемся, не садимся за стол!

На другое лето в лесу ещё прибавилось ягод разного цвета: чёрную назвали черникой, сизую — голубикой, алую, продолговатую, как набухшая капля, — земляникой. А ту, круглую, краснобокую, которую Невеличка нашла первую и щедро всех одарила, — брусникой. Деревенским полюбилась эта поздняя ягода за то, что её, сырую, можно запасать впрок.

А потом и саму девочку стали называть Брусничкой — по ягоде, которую ей лес подарил.

Каждый год девочка Брусничка справляет день своего рождения. У неё множество гостей: и люди, и птицы — глухари, рябчики, тетерева.

Приходи в лес в конце лета. Девочка Брусничка угостит и тебя.

А теперь куда поведёт нас сказка? В страну, где жили очень беспечные люди. Они не соблюдали правил охоты, они рубили, рубили деревья, а новых не сажали. Им казалось, что звери и птицы никогда не переведутся, что лес вечен и его богатствам не будет конца.

Но вот пронёсся слух, что лес уходит, а с ним исчезнет всё, что он даёт людям.

Тут самые беспечные заволновались.

Как жить без леса? Об этом говорили и взрослые, и дети. Говорили и близнецы — мальчик и девочка, глядя в окно на двор.

— Смотри, как дворничиха напоследок размахалась метлой, — сказал мальчик. — Услышала, что метлу, как и всё лесное, Аук заберёт, а без метлы двор не подметёшь.

— Она и с метлой не так уж часто подметала, — заметила девочка. — А вот что будет с нами без дневников, без тетрадок, без учебников, если уйдут лесные ёлки, из которых делают бумагу? Как я узнаю, что задано? На чём мне писать диктант? Школу, наверное, закроют.

— Что-нибудь придумают! — сказал мальчик. — Будут показывать учебные фильмы.

— Не будут. Плёнку Аук тоже заберёт. Кончились наши любимые мультики!

В окошко близнецам было видно, что у подъезда остановились двое мужчин. Ребята знали: тот, который живёт на пятом этаже, — художник, а который на третьем — музыкант.

— Добрый вечер! — поздоровался художник.

— Если бы добрый! — горько усмехнулся музыкант. — Собрался я в санаторий «Старый бор». Надеялся поправить здоровье, подышать лесным воздухом. Пропала моя путёвка. А са-

мое главное, не представляю, как буду жить без скрипки. Пойдёмте ко мне. Хотите послушать скрипку последний раз?

— Хочу! — живо откликнулся художник. — А я покажу вам картину, которую написал сегодня, прощаясь с лесом. Удалось ли мне запечатлеть красоту, которую мы потеряем, когда от нас уйдёт лес...

— Дети, ужинать! — позвала близнецов мать.

За ужином все сидели грустные. Подавая на стол грибы, мать предупредила, что они последние.

— Без грибов прожить можно, а вот если лишиться работы... — вздохнул отец.

Он тревожился, что закроется фабрика спортивного инвентаря, на которой он работал. Для лыж, хоккейных клюшек, шведских стенок, теннисных ракеток не будет сырья.

За стеной плакала скрипка. Слушая её, мальчик машинально ломал вынутые из коробки спички.

— Что ты делаешь! — рассердился отец. — Ведь это последние спички.

И тут мальчик заплакал.

— Всё последнее, — бормотал он сквозь слёзы, — книжки, тетрадки, мультики, клюшки, грибы, спички... всё... всё...

Ночью мальчику приснился сон. Будто он в пустыне. Ни деревца, ни куста, ни зелёной травинки. Мёртвый песок.

Но какие-то люди, прилетевшие на самолёте, раскинули в пустыне палатки. Люди раскапывают засыпанные песком развалины — остатки зданий и крепостных стен. Высокий человек в защитных очках — должно быть, начальник — объясняет, где и как надо копать.

— Здравствуйте! — говорит мальчик. — Что вы здесь ищете? Клад?

— Мы археологи, ведём раскопки Мёртвого города, — отвечает начальник. — Когда-то здесь был город, богатый и красивый. Но уже много веков назад его покинули люди.

— Почему же они его покинули? — удивляется мальчик.

— Потому что высохла река. Жизнь невозможна без воды.

— А почему речка высохла?

— Её занесло песком. А потом засыпало и город. Не стало леса, который сдерживал наступление песков. И теперь здесь пустыня. Но что с тобой, мальчик? Ты болен? Ты так побледнел!

— Мне надо скорей домой. Я должен рассказать, что я видел, предупредить. Ведь с нашим городом тоже может случиться беда!

И вот мальчик в кабине самолёта рядом с пилотом. «Только бы не опоздать, только бы не опоздать», — думает он и умоляюще смотрит на пилота. Ему кажется, что самолёт летит слишком медленно.

— Скорей не бывает! — угадав его мысли, улыбается пилот. — Мы уже прибыли.

Мальчик вылезает из самолёта и растерянно оглядывается.

Он не узнаёт своего города. Если это его город, то где же большой детский парк? Его сразу узнаешь: у входа стоит скульптура — ребята, играющие в мяч.

И вот мальчик видит эту скульптуру.

Каменная девочка по-прежнему держит в руке каменный мяч. Но парка нет. Там, где росли деревья, чернеют глубокие ямы. И ни одной деревянной скамейки, ни карусели, ни киоска, где продавалось розовое, белое, шоколадное мороженое.

— Я опоздал, — бормочет мальчик, — опоздал...

К нему подходит чёрная лохматая собака, волоча за собой цепь. Должно быть, она прибрела сюда с окраины. Там она облавивала проходивших мимо забора чужаков.

Теперь там нет забора, нет будки, к которой она была привязана. Бездомная собака не знает, на кого теперь лаять, что стеречь.

— За мной! — командует мальчик.

Мальчик и собака идут по городу. Он опустел и затих. На стене концертного зала надпись: «Концерт отменяется». Понятно, без скрипки, без рояля какой же концерт!

Папина фабрика закрыта и ещё много других фабрик и заводов. Закрыты и мамина типография, и библиотека, и кино, и почта, и газетный киоск, где бабушка продавала марки.

Каменные дома целы. Но они выглядят так, словно в городе был пожар. Вместо окон и дверей — дырки. Можно заглянуть в любой дом. Только на что там смотреть? Ни столов, ни стульев, ни шкафов, ни книжных полок, ни самих книг. Пустота.

«А что у нас дома?» — с тревогой думает мальчик. Он торопится, он бежит.

И собака, гремя цепью, несётся за ним.

Но бежать трудно. Подул сильный ветер.

Тучи поднятой в воздух пыли закрывают солнце. Песчинки больно бьют по лицу.

Мальчик спотыкается, но тут кто-то хватает его за руку...

— Хорошо, что ты меня разбудила, — говорит сестре мальчик, — я видел страшный сон, будто от нас ушёл лес.

— Он ещё не ушёл! — шепчет девочка. — На площади собираются люди, которые хотят, чтобы лес остался. Я пришла за тобой.

На площади толпа. Черноволосый молодой человек записывает в блокноте: «От химиков...», «От строителей...», «От Академии наук...».

— А вы от кого? — спрашивает он близнецов.

— Мы от детей!

В толпе послышался смех.

Но смех затих, когда седой человек строго сказал:

— Детям жить в будущем. А что мы им оставим в наследство?

— Простите, профессор! — обернулся к нему черноволосый. — Вы не находите, что наши тревоги преувеличены? Во многих случаях дерево можно заменить. Например, железнодорожные шпалы, школьные парты, лыжи...

— А кислород вы чем замените? — вспылил профессор. — Кто поставляет нам кислород, необходимый для дыхания? Лес и океан! А подснежник, а кукушку чем замените? Если я не видел в лесу подснежника, не слышал кукушки, для меня весна не весна. И эта весенняя радость незаменима. Уйдёт лес, уйдут птицы и звери, а с ними какая-то часть нашей души. Живая природа необходима каждому из нас, чтобы чувствовать себя человеком.

Мальчика поразили эти слова. Чем больше он о них думал, тем тосклиней ему становилось.

Когда толпа подошла к лесу, мальчик не выдержал, выскочил вперёд и крикнул:

— Я хочу быть человеком! Не уходи, Аук! Не уходи, лес!!
— Не уходи, лес! — сотнями голосов повторила толпа...

Пусть тебе на всю жизнь запомнятся эти слова.

Ты уже прочитал сказку о девочке Брусничке. Конечно, тебе самому не придётся при свете гнилушек посидеть возле старика с голубой бородой, который пришивает белые заплатки на шляпки красных мухоморов.

Но не огорчайся, ты увидишь Аука, ты с ним обязательно встретишься. Ты побываешь у него в доме, в лесу, и он навестит тебя в городе. У Аука много разных обличий, надо только уметь их распознавать.

Если зелёная ветка постучалась в твоё окно, это тебя приветствует, с тобой здоровается Аук.

Если зимой к тебе на кормушку прилетела синица, если весной горихвостка запела на вашем дворе, это звонкими птичьими голосами с тобой разговаривает Аук.

Если рыжий беличий хвост, словно огонёк, мелькнул в зелени городского парка, это, обернувшись белкой, в гости к тебе пожаловал Аук.

И писала я эту книжку для того, чтобы Аук поселился и в твоём доме. Чтобы он, невидимый, вместе с тобой перелистывал страницы, когда ты будешь читать про него самого, про его внуков и внуочек и про весь Лесной Народ.

ТРОВНУЧЕК
И ВНУКОВАЛКА
И ПРО ВСЕР
ЛЕСНОЙ НАРОД

И правда, у барсука есть нора, у бобра хатка, у белки дупло, у волка логово, у медведя берлога. Почему же из всех лесных зверей один заяц остался бездомный? Почему?

То, что привычно, уже не страшно, не так, как в первый раз. А это была первая осень первого леса. За ней надвигалась зима. И все боялись зимы — холода и голода.

Когда Аук проходил по лесу, деревья протягивали к нему ветки, птицы садились на плечи, звери тёрлись о колени, лягушки жалобно квакали, травы припадали к ногам.

И каждого он должен был успокоить, с каждым поговорить.

— Ну, что загрустил? — говорил Аук папоротнику. — Твой корень глубоко уходит в землю, сверху его присыплет снегом. Не пропадёшь. Тебя не убьёт мороз.

— А я? — беспокойно шуршала маленькая травка. — У меня нет ни длинного корня, ни толстой луковицы, ни даже маленького клубенька. Значит, я пропаду и со мной весь мой травкин род?

— Не шурши зря. Семена, которые ты успела разбросать, весной дадут всходы. Твой травкин род не пропадёт.

Земля, по которой шёл Аук, была усыпана перьями. Собираясь в дальнюю дорогу, перелётные птицы меняли старые, обветшалые перья на новые, крепкие. Подзывая к себе то пеночку, то славку, то горихвостку, Аук сам проверял крылья и хвосты.

Звери, кроме летучей мыши, оставались дома. Без крыльев на зимовку не улетишь.

Для зверей Аук устроил общее собрание, на котором объяснял, как кому готовиться к зиме. Бобру заготовить ивовых и осиновых сучьев и сложить их на дно реки у норы. Белке наушить грибов: лучше всего сохнут тонконогие опята. Медведю, перед тем как залечь в берлогу, накопить жир. Ведь полгода придётся сосать лапу. Тощий такой голодовки не вынесет. Выдержит тот, у кого под кожей жир.

И начались в лесу осенние хлопоты, заработали зубы и лапы.

Но был в лесу беспечный зверь, который и жир не копил, и ничего не запасал. Зима словно его не касалась. Он даже не присутствовал на собрании, ради которого вылез из тёмного подземелья крот. Лопоухий бродяга Заяц общее собрание проспал.

Уже в те далёкие-далёкие времена у Зайца сложилась привычка ночью шататься по лесу, а днём спать где придётся, в ямке под деревом или кустом.

И хотя Заяц спал с открытыми глазами, это не мешало ему видеть сны. Сны-запахи, то приятные, сладкие и душистые, как молодая кора, то страшные, пахнущие собакой. Сны-шорохи, шелесты, шёпоты, бормотушки. Сны разных цветов: зелёные, жёлтые, лиловые, багровые, как листья осенних осинок, которые Заяц считал самыми красивыми деревьями в лесу.

Особенно хорош был осинник в полнолуние, когда над лесом повисала круглая луна, золотисто-оранжевая, как тугая, налитая соком репка. Зайцу казалось — опустись луна чуточку ниже, он бы подпрыгнул и отгрыз от неё кусок.

Но оранжевая луна стояла высоко, и Заяц довольствовался осиновой корой.

Наевшись, он отдыхал. Чтобы отдых был спокойным, лесной зверь должен спрятать свой запах.

Всё пахнет, и все пахнут. Нос для зверя часто важней глаз. Пусть я тебя не вижу, но если ячу запах, я знаю, кто ты и где ты!

Запахом звери отмечают свои владения, по запаху преследуют добычу. Когда собаки гонятся за зайцем, им дорогу показывает запах его пяток. Только одни пятки потеют у зайца, и чем дольше он бежит, тем пахучей его след.

Вот почему отдыхающий Заяц сидел неподвижно, прижав предательские пятки к земле.

Сидел и слушал тишину. Для зверя, чья жизнь вся в бегах и страхах, нет ничего приятней. Никто за тобой не гонится, никто тебе не грозит.

Но недолго тихое заячье счастье. Длинное ухо тревожно дрогнуло. Что это? Да ничего страшного: с ветки скатилась дождевая капля, сверкнув, как падучая звезда.

Вот тогда-то Заяц и сочинил свои первые стихи:

Куда ты девалась, куда убежала?
Какая пугливая ты, тишина!
Ведь с ветки упала, тебя напугала
Всего только длинная капля дождя!

Каждому поэту хочется иметь слушателей. Осенней ночью по дороге в осинник Заяц встретил барсука, который грудью толкал в нору жёлтый ворох сухих листьев, устраивал себе постель на зиму.

Ночные звери — народ молчаливый, но в эту лунную ночь угрюмый барсук разговорился:

— Здорово я придумал! Спать на перине будет тепло и мягко, бока не отлежишь. Вот и ты натаскал бы листьев к себе в нору.

— Но я... — Заяц запнулся, — я ещё не вырыл норы.

— Это почему же? Болел, что ли?

— Нет, не болел, я писал стихи. Хочешь, я тебе их прочту?

— Когда-нибудь в другой раз. Сейчас я могу думать только про перину. Признаться, я в первый раз вижу зайца, который пишет стихи. И зачем ты их пишешь?

— Не знаю. А зачем птицы поют?

Барсук в раздумье почесал лапой за ухом.

— Конечно, твоё дело. Но ведь зима на носу. Я бы тебе подружески посоветовал: сперва вырой нору, а уж потом сочиняй стихи.

Барсук скрылся в норе, а непризнанный поэт заковылял в осинник. Там по ночам собирались зайцы. В первом лесу их было немного.

Когда Заяц прочитал им свои стихи, они в восторге захлопали ушами. А потом стали просить косоглазого поэта, чтобы он сочинил заячий гимн. Или хотя бы песенку. Под песенку им будет веселей рыть норы, которые никто из них ещё не рыл.

Начало Заяц сочинил быстро:

У кого в лесу самые быстрые ноги?
У меня, у меня, у меня!
У кого в лесу самые чуткие уши?
У меня, у меня, у меня!

Но дальше у него не получалось. Никак.

А погода становилась всё хуже. Однажды Заяц проснулся оттого, что у него озяб нос. С неба падали белые, холодные крохотные звёздочки и таяли на Заячьем носу.

Звёздочек нападало столько, что земля стала белой и пахла уже не палым листом, а какой-то особенно нежной свежестью.

По белой земле прогуливалась незнакомая Зайцу птица. У неё была голубоватая спинка, толстый чёрный клюв и ярко-красная, как шляпка мухомора, грудь.

— Простите, не знаю, как вас зовут, — обратился к ней

Заяц.— Вы не могли бы мне объяснить, чем сейчас пахнет в лесу и что это такое холодное и мокре падает с неба?

— Это замёрзший дождь, который называется «снегом»,— проскрипела птица.— Я прилетаю к вам с первым снегом, потому у меня снежное имя. Будем знакомы: снегирь!

— Очень приятно! Снег... Снегирь... Какой ужас!— заметался Заяц.— Значит, уже зима. А я ещё не сочинил заячий гимн, и никто из зайцев не вырыл норы.

Заяц попробовал рыть и чуть было не сломал когти. Земля стала твёрдой, как камень.

Что делать? Тут посоветовать мог только Аук.

Заяц нашёл его возле медвежьей берлоги. Аук уговаривал медведя погрызть корешок, который действует как слабительное.

— Но он горький!— жалобно ворчал медведь.— И зачем мне это поганое лекарство, я не больной!

— Надо очистить желудок. Если заляжешь в берлогу с набитым брюхом, сон будет плохой. А спать придётся долго.

Медведь ещё сильней засопел, но взял в зубы корешок.

И тогда Аук обернулся к Зайцу.

— Что тебе надо от меня, лентяй, так и не вырывший норы?

— Я не лентяй. Я сочинял стихи. Это гораздо трудней, чем вырыть самую глубокую нору.

— И другие зайцы тоже сочиняли?

— Нет, но они ждали, когда я сочиню. Они не виноваты. Как же теперь жить нам, зайцам, Аук?

— Так и живите. Где прикорнул, там и твой дом. Ничего, не замёрзнешь. У тебя меховая шуба.

— Но моя шуба рыжеватая, а земля стала белая. Меня каждый заметит. Сам знаешь, сколько у бедного зайца врагов!

— А ты от них наутёк. Ведь хвастался, что у тебя быстрые ноги!

— Но это летние ноги. И сейчас они уже не быстрые, потому что проваливаются в снег. Мне нужны зимние ноги.

— Хорошо, будут у тебя зимние ноги.

Аук подул на Заячий лапы. Между пальцами выросла шерсть, лапы распушились, стали широкими.

Держа Зайца за уши, Аук несколько раз окунул его в сугроб. И, кроме кончиков ушей, Заяц стал белым, как снег.

Аук пообещал, что белую шубу и пушистую обувку получат и каждую осень будут получать все лесные зайцы.

— Теперь зима вам не страшна. Беги, беляк!

И Заяц побежал. Сперва неуверенно. Потом всё быстрей и быстрей на широких лапах, словно на лыжах.

Попробуй, волк, догони! Заяц даже перекувырнулся от радости.

На суку дуба, мимо которого пробегал Заяц, сидела пара ворон: Кар-Кар и Кара-Кара.

— Ты не спиши? — спросил подругу Кар-Кар.

— Вроде не сплю, — откликнулась ворона. — Хотя то, что я вижу, может только присниться. По лесу бегает и кувыркается сугроб.

Тут «сугроб» ещё раз перекувырнулся и закружил по поляне, сочиняя новую песенку:

Я — заяц на лыжах, я — невидимка,
Белый на белом снегу.
Даже ворона меня проворонила —
Сама Кар-Кара! Ха-ха!!

— Каррр! Так это ты, бездомный бродяга? — прокаркала оскорблённая ворона. — Не рано ли радуешься? Посмотрим, какие стишки ты сочинишь, когда у тебя родятся дети. Они пропадут.

— Почему пропадут? — вздрогнул Заяц.

— Таков лесной закон. Малыши рождаются слепыми, голыми, беспомощными. Без дома они пропадут. Если не веришь мне, спроси хотя бы белку. Небось побоишься спросить волчицу или лису.

Проживавшая неподалёку белка подтвердила, что ворона права.

— Бедный Заяц! Пока не поздно, попроси барсука потесниться. Может, он тебя пустит. У него огромная нора.

— Но я привык, сочиняя стихи, смотреть на луну, на звёзды... и я думал, что мои дети тоже... Я поговорю с Ауком. Я его попрошу...

Весь лес был взмолнован судьбой Заячих ещё не родившихся детей. Пропадут ли они, как напророчила известная предсказательница ворона Кар-Кара, или не пропадут? Этот вопрос обсуждался в гнёздах и в норах, в небе и на земле.

Но пришло Время Зимних Снов, и лес уснул, так и не узнав, что ответил Зайцу Аук.

Долго-долго носились по лесу метели, заставляя голые чёрные деревья петь унылую зимнюю песню.

Наконец метели утихли, небо поголубело. И беличий нос, высунувшись из круглого, как шар, зимнего гнезда-гайна, почувствовал запах весны.

Белке очень хотелось есть. Она спустилась на землю, чтобы

разыскать свои кладовушки, и заметила под ёлкой лущившую шишуку мышь.

— С весной, соседка! — окликнула её белка. — Чьи голоса ты слышала? Чьи следы видела? Чем новым пахнет в лесу?

Мышь была польщена тем, что белка, которая живёт выше всех лесных зверей, поздоровалась с ней первая.

— Есть интересная новость, но она не пахнет. В лесу родились зайчата.

Беличий хвост распушился, стал похож на макушку молоденькой сосенки. Такое случалось с хвостом каждый раз, когда белка волновалась.

— Ты их сама видела?

— Я всё видела! Даже рваный кончик левого уха у зайчихи-матери. Она боится навещать малышей, чтобы о них не пронюхали волк и лиса. Два дня малыши будут сыты, заячье молоко очень жирное. А на третий день Рваное Ухо придёт их покормить.

— Разве это мать? — возмутилась белка. — Бросить своих детей, голых, слепых, беспомощных...

— Беспомощных?! — фыркнула мышь. — Да ещё не было в лесу таких шустрых и самостоятельных малышей. И вовсе они не голые, а в шерсти, не слепые, а зрячие, не лежачие, а ходячие. Им было всего пять минут от роду, а как они сиганули в разные стороны! Один шмыгнул вон под тот можжевеловый куст. Я доверяю одной тебе эту тайну, потому что знаю: ты их не выдашь.

— Не беспокойся! Я умею молчать.

Мышь молчала, и белка молчала. Но не только у Рваного Уха родились зайчата. Такие события не могли остаться незамеченными. Слух дошёл и до лиса по прозвищу Чуткий Нос.

Весь лисий род славится своим чутьём, а у Чуткого Носа был особенно острый нюх. Зимой он мышковал в поле, раскапывал мышиные подснежные норы. Он не только слышал под снегом писк, но и чуял запах мышей-неведимок.

Чуткий Нос решил найти неизвестно где спрятавшихся Заячьих детей. Зайчатина куда вкусней мышатины!

У белки заколотилось сердце, когда на лесной поляне она увидела рыжего разбойника. Он шёл медленно и, низко опустив голову, вынюхивал следы.

Но следов не было. Зайчиха не навещала детей. И запаха затаившихся зайчат не было. Как приказала им мать, зайчата лежали неподвижно, прижав пяточки к земле.

Чуткий Нос не учял малышей, и белка перестала осуждать Рваное Ухо за то, что она плохо заботится о детях.

Наступили третьи сутки со дня рождения зайчат.

Белка уселась на суку. Ей хотелось посмотреть, как зайчиха будет кормить зайчат.

Но Рваное Ухо не показывалась.

В кустах застrekотала сорока. Она передавала последние новости: очередная драка зябликов закончилась со счётом один — ноль в пользу хозяина участка, зайчиху с рваным кончиком левого уха загрыз лис Чуткий Нос.

Белка словно окаменела, словно приросла к суку. Бедная мать, горемыки малыши! Кар-Кара предсказала правильно: они пропадут, некому покормить сирот.

Сверху белке было видно, как из-под можжевелового куста выскочил крохотный зайчонок.

Откуда-то появился другой, третий...

Зайчата нетерпеливо подпрыгивали, насторожённо шевелили ушами. Они ждали мать.

В кустах мелькнула заячья тень.

— Мама! — крикнул зайчонок.

— Мама!! — дружно подхватили остальные.

Белка закрыла мордочку хвостом, чтобы не видеть, как чужая зайчиха проскачет мимо голодных зайчат. Какое ей дело до них? Она разыскивает своих где-то запрятавшихся детёнышей.

Но когда белка опустила хвост, то увидела чудо. Трое осиротевших зайчат припали к чужой, случайно им встретившейся зайчихе, по-весеннему пегой, линяющей. И она не оттолкнула шустрых сосунков. Она кормила их своим молоком, словно это были собственные дети.

А ведь по лесному закону... Но может, Аук дал зайцам другой новый закон?

Наверное, дал! Потому что три дня спустя белка увидела на той же полянке новое чудо. Тех же зайчат по-матерински кормила уже другая, новая зайчиха, тоже по-весеннему пегая, линяющая.

На девятый день белка снова увидела на полянке зайчат. Но похоже было, что на этот раз они никого не ждут, что они уходят.

Самый маленький немного замешкался.

— Малыш! — окликнула его белка. — Если ты ешь грибы и орехи, я могу поделиться. У меня с осени кое-что пропасено.

— Спасибо, тётя! — пропищал зайчонок. — Я уже вырос и могу прокормить себя сам.

И на весь лес застrekотала сорока:

— Слушайте все, слушайте все! Наша знаменитая предсказательница Кар-Кара ошиблась! Заячий дети не пропали и не пропадут!

Не все верят сорочьим рассказням. Но нельзя было не поверить самому Зайцу, который, наконец, закончил долгожданный заячий гимн.

Теперь этот гимн распевают зайцы во всех лесах:

У кого в лесу самые быстрые ноги?
У меня, у меня, у меня!
У кого в лесу самые чуткие уши?
У меня, у меня, у меня!
У кого в лесу самые шустрые дети?
У меня, у меня, у меня!
Все лесные зайчихи им матери,
И весь лес их родной дом!

Говорят, что Заяц сочинил ещё много новых стихов: про похожую на репку оранжевую луну, про осенние разноцветные осинки, про то, чем пахнут заячий сны...

Но до нас эти стихи не дошли.

Осенью птицы стаи улетают на юг, звери меняют летние шубы на зимние. Но и для берёзок, лип, осин, для всех лиственных деревьев осень — время больших перемен. Младшие внучки и внуки Аука надевают бальный наряд.

Я говорю «младшие» потому, что первыми на земле появились хвойные деревья. И уже много позже в кладовую Аука постучались две зеленоглазые девчонки в рубашонках — внучка Берёзка и внучка Осинка:

— Вот и мы, дедушка! Одень нас поскорей!

В кладовой Аука хранилась всякая всячина: корешки и травы, чтобы лечить зверей, птицы перья, потерянные во время линьки, чтобы помнить, какие птицы летом жили в лесу, образцы пчелиных сот, паучьи коконы, из которых можно получить тончайшие нити, смола, краски, лак для панцирей жуков, пудра для крыльев бабочек и многое другое, нам пока неизвестное. Ведь ещё не все секреты Аука мы смогли разгадать.

Когда одевались первые сосны и ели, в кладовой нашёлся только один тёмно-зелёный отрез на платье, да и тот облитый смолой. Однако старшие внучки выкроили из него сотню тысяч

хвойник: которые покороче — для Ёлочки, которые подлинней — для Сосенки.

Но Берёзка и Осинка отказались одеваться в хвою.

— Мы не можем носить то, что устарело! — пролепетала Осинка. — Сейчас другое время.

— Мы, молодые, хотим быть одетыми по моде! — заявила Берёзка. — А сейчас в моде новые фасоны и более светлые тона. Вот что я для себя придумала! Ведь правда, красиво?

Угольком она нарисовала на стене то, что мы называем берёзовым листом.

— Красиво! — согласился Аук. — Но это непрочный наряд.

— А зачем мне прочный? Не буду же я носить одно и то же платье всю жизнь.

По новой моде захотели одеться Вяз, Ясень, Клён, Ива, Рябина, Липа, Ольха, Орешник и позже всех проснувшийся Дуб.

И начались в кладовой Аука кройка и шитьё. Какие только фасоны не придумывались! Лист Клёна напоминал лягушачью лапку, но зато он не походил на других.

Когда все внучки и внуки были одеты, Аук сказал, что они в лесу самые главные. Пусть обживутся, а потом он проверит, кто из них каких птиц накормил, каких зверей приютил.

И в то же лето — в сказке время движется по-сказочному быстро — Аук отправился в обход.

Первой он навестил внучку Берёзку.

В лесу не услышишь жалоб, но между деревьями всё время идёт молчаливый спор: за землю, за воду, за солнечный свет.

Тень — оружие Ёлочки. Тенью она вытесняет соперниц. А Берёзка, на вид такая нежная и кроткая, просто дерётся. Своими сильными, гибкими ветками она может насмерть захлестать деревце, которое посмело вырасти слишком близко.

В берёзовой роще светло, просторно. Здесь раньше поспевает земляника, раньше выглядывают из изумрудно-зелёной травы грибы, названные Берёзкиным именем. Здесь много птиц.

— К нам в гости Аук! — засвистел, сидя на ветке дерева, чёрный дрозд.

— Аук! — зазвенела в кустах славка-черноголовка.

— Аук! — выпорхнула из травы пеночка-весничка.

Красота Берёзки — её белый атласный ствол. Но он белеет не сразу. У маленькой Берёзки он смуглый, да ещё в пятнышках, словно в веснушках. Но придёт время, и лесную веснушчатую замарашку не узнать.

— Помнишь, там в кладовой ты подарил мне серёжки, — сказала деду Берёзка. — Примеряя их, я посмотрела в ручей. И, зна-

ешь, он замер. Он перестал течь, чтобы хоть на миг сохранить моё отражение. Меня многие называли красавицей, только я не верила. Но ведь ручей не может солгать?

— Не может! — подтвердил Аук.

— Я хочу быть самой красивой и на прощальном балу, который устраивает солнце. Мне нужно золотое платье. То, что сейчас на мне, не годится. В зелёном не ходят на бал.

— Хорошо, ты получишь золотое платье, но предупреждаю, тебе недолго его носить.

Бальное платье цвета спелого мёда попросила и внучка Липа, про которую пчёлы прожужжали Ауку все уши: Липа их пчелиное, любимое, самое лучшее дерево в лесу!

Липу Аук увидел по соседству с Дубом. Малолетка Дуб боится холода, и добрые соседи — Липы, Клёны, Осины, укрывают его, зябкого, как шубой. Но подросшему Дубу шуба уже не нужна, и, раскинув ветви, он теснит приятелей своего детства. Клёны и Осины без солнца зачахли, но выносливая к тени Липа осталась. Ей тоже хотелось покрасоваться на балу. На бал собиралась и внучка Осинка, хотя и жаловалась на здоровье:

— Болею я, дедушка, болею. Нет мне покоя. Ночью то заседает заячий клуб, то браконьерствуют бобры, валят без спросу деревья. Днём одолевают синицы, мухоловки, горихвостки. Все просят отдельную квартиру. А где я им найду столько дупел?

После весёлого щебета березняка, после торопливой болтовни осинника ельник кажется тихим и угрюмым. Весной здесь пеночка-теньковка повторяет: «Тень-тинь...» Будто со звоном падают капли: «Тянь-тень...» Будто играют лесные куранты: «Тень-тинь-тянь-тень...»

Летом пеночка замолчит. Изредка промелькнёт голубое крыло сойки. Прошмыгнёт, вздрогнув хвостик, зарянка. Не всякая птица поселится в сумрачном ельнике, где такую густую тень отбрасывают на землю еловые лапы, что даже трава не растёт.

На кого же охотилась встретившаяся Ауку лисица?

Аук, словно по бархатному ковру, шёл по тугому зелёному мху. Чернике, мху и папоротнику много солнца не надо, была бы влажной земля. Втроём они заняли в сыром и тенистом еловом лесу весь нижний этаж.

Отсюда, с нижнего этажа, до Аука донеслось чуть слышное попискивание. Поспела черника, и мать-тетёрка повела по ягоды своих тетеревят. Их-то и почуяла лисица.

Дерево приютило ягоду, ягода приманила птицу, птицу подкарауливал хищник. В солнечной берёзовой роще своя жизнь, в хмуром тенистом ельнике — своя.

Если у внучки Ёлочки главная ягода черника, то внучка Сосенка ожидала богатый урожай брусники. Бруснике нужна более сухая земля.

Рыжики водили хороводы и под Ёлками, и под Соснами, но старшие внучки раскрасили эти грибы по-разному. У елового рыжика шляпка зеленоватая, у соснового — оранжевая, под цвет коры сосны.

Разговаривая с Ауком, внучка Сосенка раскрашивала белый гриб. Он дружит со многими деревьями, и, когда прячется в густой траве под липой или под дубом, шляпка у него почти бесцветная, белая, иногда с сиреневатым отливом.

— Мой будет красивей! — сказала Сосенка. — Я раскрашу его шляпку коричневым. Пусть все знают, что это гриб бора — боровик. А переодеваться я не собираюсь. Зачем мне новое платье, если я незаметно меняю иголочки и мой старый наряд всегда зелен и свеж.

Ёлочка добавила, что хвоинки, которые она понемногу роняет, нужны муравьям: у них начинается осенний ремонт.

Словом, старшие внучки от бальных платьев отказались, но всё равно это был великолепный праздник. Не скажешь, кто был красивей: золотая Берёзка, багряная Осинка или Рябинка в тяжёлых оранжевых бусах.

Кавалер Ветер каждую из них называл царицей бала, приглашая на танец, нашёптывал льстивые слова.

В вихре танца от шумящего бального платья отрывался то золотой, то багряный, то жёлтый лоскуток.

Всё прозрачней становились наряды лесных щеголих.

Но бал продолжался. Кавалер Ветер был неутомим.

И вот на землю упали последние яркие листья. По лесу разнёсся жалобный стон голых ветвей:

— Дедушка Аук! Где ты? Одень нас хоть во что-нибудь!

— Весной одену, — ответил Аук. — А сейчас спите. Я вас предупреждал, что золотые и жёлтые платья не придётся долго носить.

— Так зачем же ты нам их выдал?

— Я вас спасал!

Жёлтый лист — это сигнал засухи. Его можно увидеть и летом. Корни подают дереву воду, листья её тратят, испаряют. Когда воды не хватает, дерево, чтоб не погибнуть, должно сбросить листья, избавиться от них.

Сосны и ели выносливей к засухе. Узкая смолистая хвоинка испаряет гораздо меньше влаги, чем широкий, разлапистый кленовый лист.

Но разве может быть осенью засуха? Ведь чуть ли не каждый день лют дожди. Хоть и часты дожди и воды много, но корни её уже не тянут, слишком холодной стала земля.

Вот почему каждую осень повторяется одна и та же история: солнце устраивает в лесу прощальный бал.

Теперь ты знаешь, о чём, срываясь с ветвей, шуршат осенние жёлтые листья: деревья готовятся к зиме.

А что расскажет тебе, упав на землю, последний лист? Осенний бал окончен. Берёзам и Липам, Вязам и Кленам, Осинам и Рябинам пришло время спать.

Эту историю рассказывала сорока. Она не только разносит по лесу последние новости, ей известны и старые были-небылицы.

Вообще-то сорока любит приврать. Как-то она похвасталась, что нашла кольцо с драгоценным камнем и будто он у неё в гнезде светится, как светлячок.

Но когда любопытная белка заглянула в сорочье гнездо, оказалось, что никакого кольца там нет. Простое зелёное стёклышко. И вовсе оно не светится, а тускло блестит.

Может, и на этот раз сорока соврала. Хотя она клялась, что эта семейная история передаётся из поколения в поколение, из гнезда в гнездо, из клюва в клюв, начиная с сорочьей пра-пра-прабабушки, лично знакомой с грозным филином Ху-Бу.

В те древние сорочьей пра-пра-прабабушки времена филины были огромные птицы, настоящие лесные разбойники. Они не прятались от солнца, охотились средь бела дня. Охотничий клич филинов «ху-бу!» стал именем самого могучего из них, предводителя стаи.

Сокол предложил Ху-Бу охотиться вместе и делить добычу пополам.

— Делиться с тобой?! — выпучил глаза филин. — Делятся с равным. А кто ты и кто я!

Ху-Бу мог на глазах пастуха выхватить из стада овцу и унести в крепких, как железные крючья, когтях.

Когда он хлопал крыльями, осенние листья срывались с веток и кружились в воздухе, словно хлопья красного и жёлтого снега.

Когда он хохотал, зайцы от страха перекувыркивались на бегу, у медведя шерсть вставала дыбом, а на волка нападала такая тоска, что хотелось выть, выть, выть...

Кончилось тем, что Ху-Бу зазнался, возомнил себя великим.

Из-за своей спесивости он не мог найти себе пару. И напрасно старалась сорока, сватая ему самых разных птиц.

— Чем плоха сойка? Причёска по последней моде — хохолок. Франтиха, но и хозяйка хорошая. Сколько желудей запасёт на зиму!

— Нужны мне её жёлуди! Твоя сойка первая в лесу сплетница. От её трескотни разболится голова.

— Не нравится сойка, тогда слетаю на речку, посватаю тебе серую уточку. Вот уж чистюля! Купается сорок раз на дню.

— Знаем мы этих чистюль! Роется носом в болотной грязи, от неё лягушками пахнет. С такой женой стыдно в лесу показаться. Кривоногая, знает всего-навсего два слова: «кря-кря!».

— Ну, тогда выбирай сову. Недаром её прозвали Мудрой. Ночью у неё в дупле гнилушка светится. Всё-то она учится, учится. Понимает и птичий, и заячий, и мышиный языки.

— Вот и будет воображать себя умней мужа. Сгинь, сорока! Твои невесты мне не ровня.

Потом филин пожалел, что прогнал сороку. Без её трескотни ему стало ещё скучней. И особенно сильно почувствовал Ху-Бу своё одиночество весной, в пору майских песен.

У птицы одна песня, но в разное время её надо понимать по-разному.

В апреле все лесные птицы становятся строителями. Они строят дома из прутиков, стебельков, травинок, даже из ивового пуха. Дома без окон и чаще всего без крыш. Зато очень быстро: за несколько дней дом готов.

Строится и невидимая изгородь. Птица песней огораживает свой участок. И предупреждает каждого, кто вздумал бы на него посягнуть: «Где я пою, там и живу, и охочусь! Все жуки и гусеницы, которые здесь ползают, мои! Все комары и мошки, которые здесь летают, мои! За эту добычу для моих детей, за куст, укрывший мой дом, за кусок неба над ним я буду биться клювом и когтями, так что пух и перья полетят!»

И в то же время песня — приглашение поселиться неподалёку: «Будем соседями, будем петь вместе! Если ты поёшь лучше, я к тебе прислушаюсь, если я пою лучше — учись у меня!»

В мае все устроились и драк не бывает. Из яиц вылупились птенцы, и майская песня — это птичья колыбельная, песня семейных радостей и забот.

А забот много. Правильней было бы говорить не «волчий аппетит», а «птичий аппетит». По триста—четыреста раз птицы-родители опускают корм в разинутые рты, а прожорливым птенцам всё мало: давай, ещё давай!

Случается, что птицы-родители от усталости падают в обморок у гнезда.

И всё равно каждой птице хочется иметь семью.

От весёлых отцовских песен одинокому филину стало ещё тосклиней. Он медленно расправил свои могучие крылья, чтобы улететь в чащу леса, где бы ему никто не докучал.

Но тут у подножия дуба, на суку которого сидел филин, что-то сверкнуло.

Солнечный луч упал на росинку, и она начала быстро расти.

В этой, ставшей огромной, словно полная луна, росинке Ху-Бу почудилось нежное девичье лицо.

Снова сверкнуло. Да так сильно, что филин зажмурился.

Когда он открыл глаза, то увидел на лесной поляне девушку. Совсем юную, тоненькую, с золотыми волосами. Казалось, что она не идёт, а плывёт, как лучистое облачко, не касаясь земли.

К ней, словно к солнцу, тянулись стебли, у её ног распускались цветы. Весь лес просветлел. Птицы запели ещё радостней. Ветер утих, перестал лохматить траву и, как послушный пёс, улёгся под кустом.

— Золотые волосы! — позвал девушку филин. — Остановись, красавица! Владыка леса хочет с тобой поговорить.

Девушка не остановилась, и оскорблённый филин пригрозил:

— Не хочешь добром — изловлю. От меня не уйдёшь! Ухвачу когтями, небось заговоришь!

Но не так-то просто было поймать ту, которая, не задев ни одной ветки, проскальзывала сквозь густые колючие кусты. Девушка словно в прятки играла с Ху-Бу. То она перебегала от дерева к дереву, оставляя на зелёном бархате мха светящиеся следы, то взлетала вверх, и лучистое сияние озаряло макушки сосен.

Так повторялось не раз. На утренних зорях Ху-Бу гонялся за Золотоволосой. Искусный охотник, он легко настигал быстроногого оленя, а какая-то девчонка была неуловима.

Забыв свою спесь, филин пристал с расспросами к сороке:

— Кто эта девушка с золотыми волосами, которую я никак не могу поймать?

— И не поймаешь, её никому не догнать. Это дочь солнца Лучик. Нет ничего быстрей света, и нельзя схватить когтями солнечный луч.

— Такая невеста мне подходит. На ней я женюсь.

— А ты её спросил? Может, она тебя не любит?

— Отец прикажет — полюбит. Солнцу лестно со мной породниться. Я — владыка леса, солнце — владыка неба. Всё будет нашим: небо и земля!

Сорока отказалась быть свахой, хотя старый филин обещал ей богатые подарки.

— Не долечу я до солнца. И не станет оно меня слушать. Сватайся сам.

— И посватаюсь! Мне не откажут.

Ху-Бу потребовал, чтобы его сопровождали филины, сычи, совы — вся многочисленная родня. Мудрая сова пыталась противиться. На неё налетели, чуть было не заклевали. И она подчинилась.

Утро выдалось пасмурное. А птиц поднялось в небо туча. Стало сумрачно. И лесные цветы по-вечернему сомкнули лепестки.

Сваты летели долго. Солнце всё не показывалось. Ху-Бу, возглавлявший стаю, услышал за спиной голос Мудрой совы:

— Не верится мне, что солнце обрадуется сватам. Похоже, что нас никто не ждёт.

— Закрой клюв, пучеглазая! — рассердился Ху-Бу. — Солнце заспалось, но скоро оно встанет. Вперёд! Не отставать!

И снова птицы летели и летели среди облаков.

Всё медленней становились взмахи усталых крыльев. Всё чаще раздавались недовольные голоса:

— Ты обманул нас, Ху-Бу! Солнце не собирается с тобой породниться. Мы измучились. Надо возвращаться домой.

Ху-Бу и сам чувствовал, что слабеет. Но гордость не позволяла ему признаться в этом.

Сбрав последние силы, он закричал:

— Солнце, проснись! Встречай жениха своей дочери, владыку леса! Если ты сейчас же не покажешься, значит, ты боишься меня!

И тогда густые серые облака раздвинулись. На филина и его свиту хлынул огненный поток.

Стая в ужасе отпрянула.

Но было уже поздно. От невыносимого жара скрючились

крылья, задымились перья. Нестерпимо яркий свет обжигал глаза.

Очумелые птицы метались, сослепу сшибаясь друг с другом. И с жалобным криком камнем падали вниз...

Очнулся Ху-Бу в лесу. Он лежал на земле, и вокруг него прыгала его старая знакомая — сорока.

— Ты кто такой? Похоже, что родственник филинам, только рябой и ростом не вышел. Почему на земле валяешься? Смотри, попадёшься в зубы к лисе.

— Да я её в клочья разорву! — Филин привычно щёлкнул клювом.

— Куда тебе! Не по когтям ищешь добычу. Был, правда, у нас филин Ху-Бу, не тебе чета, его все боялись...

— Почему «был»? — вздрогнул Ху-Бу.

— Потому что его нет. Зазнался. Полетел к солнцу свататься и пропал. Ворона Кар-Кара правильно предсказывала, что он не вернётся. Теперь я должна оповестить об этом весь лес.

И сорока полетела, повторяя на лету:

— Пропал, пропал, пропал! Предсказание вороны сбылось. Нет больше великого Ху-Бу!

Старый филин с трудом доковылял до ручья. Взглянув на своё отражение, он понял, что сорока его не узнала. Он весь ссохся, съёжился. Огромными остались только глаза, теперь они были красновато-жёлтые, словно в них попали солнечные искры.

На ржавчато-жёлтых перьях пестрели бурые подпалины. Из-за них сорока и назвала его рябым. Откуда они взялись? Может быть, это следы солнечных ожогов?

Ху-Бу поспешил спрятаться в дупло. Теперь при свете солнца он плохо видел. Но больше всего он боялся встречи с теми, кем раньше повелевал. Ведь если они узнают, чем окончилось сватовство, они его засмеют. Пусть лучше думают, что он не вернулся, навсегда остался у солнца в гостях.

Только в сумерки Ху-Бу осторожно выглянул из дупла. Кто заметит одинокую птицу в заснувшем лесу!

Но и в темноте его искали чьи-то светящиеся глаза.

На ветку рядом с филином опустилась Мудрая сова.

— Почему бы тебе не поохотиться, Ху-Бу? Я знаю, ты голоден. Так чего же ты ждёшь?

— Не только я, все мои родичи, летавшие к солнцу со мной, погибнут от голода,— угрюмо ответил филин.— Тот уже не охотник, кто слепнет при свете дня.

— Зато теперь наши глаза хорошо видят в темноте,— возразила Мудрая сова.— Мы не останемся без добычи. Слушай шаги и голоса ночи, Ху-Бу!

Старый филин прислушался.

Должно быть, его слух стал тоньше и острей, потому что он ясно различал и мягкий заячий поскок, и неторопливый топот ежей, и шуршание палой листвы под мышиными лапками.

Солнце зашло, но жизнь в лесу продолжалась и при слабом свете звёзд.

Вот какую удивительную историю рассказала сорока, если, конечно, не соврала.

Так ночь стала охотничьим временем филинов, сов и сычей. Солнечным днём эти птицы ночи беспомощны. Синичья стая может налететь на ошалевшую от света сову и обозвать её самыми обидными словами, какие только есть в синичьем языке.

Но ночью уханье филина пугает птенцов дневных птиц, уснувших в гнезде под материнским крылом.

— Мама! Кто так страшно кричит?— проснувшись, робко спрашивают малыши.— Вдруг это в лес вернулся Ху-Бу, про которого рассказывала сорока?

О чём сейчас кричат ночью филины? Может, вспоминают те

времена, когда их предок, перед которым трепетали птицы и звери, властвовал в лесу?

А может, грустят о том, что никогда-никогда не летать им в небе под яркими лучами солнца, которое несёт всем — и птицам, и травам, и цветам, и деревьям, и зверям, и людям — тепло, радость и свет.

А теперь про кого будет сказка? Про ландыш и про шмеля.

По-моему, шмель заслуживает сказки. Он красивый. Он добрый. Я не знаю никого, ужаленного шмелем.

В конце лета рабочая пчела погибает. У неё настолько изношены крылья, что она не может летать. Но и шмеля не назовёшь лентяем. Его бархатистый басок слышен весь день, как только сойдёт утренняя роса, вплоть до вечерней росы.

Тычинки, которые он расталкивает, копошась в глубине цветка, словно жёлтой пудрой осыпают его своей пыльцой, и вылетает шмель из цветка весь жёлтый.

Летит и гордо гудит.

А почему бы ему не гордиться? Он, маленький шмель, служит великому делу продолжения жизни. Цветок, на который он перенесёт пыльцу с другого цветка, даст семена. Из семян вырастут новые цветы.

Всему своё время. Одна из хитростей Аука в том, что ольха и орешник цветут в ещё неодетом лесу, когда ничто не мешает ветру свободно носиться между ветвей. Одним дуновением, одним порывом он может опылить тысячи крохотных цветков орешника.

Стоит ветру качнуть ветку, и над ней поднимается жёлтое облачко высыпавшейся из серёжек пыльцы.

Дымятся кусты. Само небо над лесом дымится.

Ветер работает быстро, но неряшливо. Пыльца оседает где

попало. Даже весенние лужи становятся жёлтыми от запоршившей их цветочной пыльцы.

Но вот в лесу запахло молодым, свежим листом. У подножия деревьев распустились нежные весенние цветы. Время Больших Жёлтых Луж сменило Время Подснежников. Тут ветер Ауку уже не помощник. Для такой точной, тонкой, кропотливой работы нужны маленькие, аккуратные лапки пчёл и шмелей.

Весёлый, шустрой Шмель, о котором будет рассказ, быстро завёл знакомства. Он знал, что на лесном пригорке его ждёт дикая жёлтая примула — баранчик. Он перепробовал цветы медуницы всех расцветок. Ведь они четырежды меняют цвет: сперва розовые, потом пурпурные, потом лиловые, потом синие. Он навешал и хохлатку, скромную, как все первоцветы, в неярком лиловом колпачке.

Гостя полагается угостить. Но много ли Шмелю нужно? Всего только сладкая капля нектара. И эту каплю он честно заслужил.

Но ни разу Шмель не получил приглашения от ландыша. Ещё никто не видел ландыш цветущим. А по слухам, это должен быть самый красивый цветок весны.

Может быть, пчела, которой Шмель при встрече желал медового дня, знает, когда, наконец, расцветёт ландыш?

— Не ззнаю, не ззнаю! — прожужжала пчела. — Знаю одно: скоро весна кончится, и, если красавчик промедлит, мы, пчёлы, не станем его ждать.

Шмель уважал пчёл: у них большая семья, их все боятся, даже медведь. Но у пчелы есть недостаток: короткий хоботок. Она не может добраться до спрятанной в клевере капли нектара. А он, шмель, может. Что, если ландышу как раз и нужен его, шмелиный, длинный хоботок?

И Шмель решил поговорить с ландышем сам:

— Ты не беспокойся, я тебя опылю. Только расцветай по-скорей. Сейчас весной в лесу ещё светло, и, какой бы ты ни был — синий, лиловый, розовый, — я тебя увижу. Но летом в лесу такая тень, что я тебя не найду. И никто не найдёт. Что тогда с тобой будет? Ты останешься без семян.

Ландыш молчал. Но Шмель не успокоился.

Через несколько дней над тугими блестящими листьями ландыша снова послышалось гудение Шмеля:

— Ещё раз предупреждаю, поторопись! В лесу мы заканчиваем свою работу, нас ждут цветы на лугу. Оттуда я не вернусь. Больше мы никогда не встретимся, шмели живут одно лето. Я о тебе беспокоюсь, но задерживаться не могу. Скажи мне свой последний срок!

Ландыш молчал. И Шмель улетел, не дождавшись ответа.

Пчёлы и шмели простились с лесом. Прощалась с ним и сама весна. Листья загустела, вершины деревьев сомкнулись. В лесу стало сумрачно.

Вот тогда-то и пришёл срок ландыша. На стройном стебельке распустились белые душистые цветы.

И ландыш заговорил. Но не голосом, он заговорил ароматом: «Где ты, добрый, весёлый, мохнатый Шмель? Лети ко мне. Я цвету! Я тебя зову, я тебя жду!»

У ландыша очень сильный аромат, но Шмель не мог его услышать. Он был далеко, на лугу.

И ландыш загрустил, спрятался в листья.

Хотя он и знал, что следующей весной ползучее корневище даст новые побеги, это его не утешало. Если цветок не оставит семян, то для чего же он цвёт? Напрасна была вся его красота. Почему же Аук дал ему, ландышу, такой поздний срок, когда его никто не найдёт, никто не заметит?

Вдруг ландыш услышал тоненький голосок:

— Кто зовёт? Кто? Я тебя не знаю. Но твой запах-сигнал принят.

И немного погодя тот же голосок:

— Вылетаю по вызову! Где ты? Где ты? Лечу! Ищу! Вижу тебя!

На цветок ландыша опустилась маленькая мошка. Последний цветок лесной весны не остался без семян.

Может, тебе случалось видеть в лесу ярко-красные ягоды ландыша, повисшие на стебельке.

Как же мошка нашла ландыш? Дорогу ей показывал аромат, но помогла в поисках и окраска лепестков. Будь ландыш синий

или лиловый, мошка не разглядела бы его в лесном сумраке, но он был белый. А белое видишь даже в темноте.

Позже ландыша, уже не весной, а лесным тенистым летом, цветут земляника, кисличка, малина, калина, рябина. У них тоже белые цветы.

Тогда дятлы ещё не умели выдалбливать дупла и жили в гнёздах. И не было у них ни красного пятна на затылке, ни такого длинного клюва, как сейчас.

Понятно, что папа дятел заволновался, когда в гнезде из одного яйца вывёлся длинноносый птенец!

— Мой сын,— сказал он дятлихе,— не может быть таким носатым. Я сильно подозреваю, что какой-то нахальный кулик подкинул нам в гнездо своё яйцо.

— Чего, чего? — встрепенулась дятлиха.— Пора бы знать, что в чужие гнёзда яйца подкидывает только кукушка. А на кукушонка наш сын не похож. Он в точь-в-точь ты — пёрышко к пёрышку. Правда, нос длинноват и ножки кривые. Но со временем выровняется.

Дятлиха ошиблась. Птенец остался носатым, только это его ничуть не смущало. Он ловко лазил по деревьям, цепляясь за ствол когтистыми лапами и весело постукивая клювом, за что его и прозвали Тук-Тук.

Из его длинного гранёного клюва вылетало множество вопросов: «Почему деревья не ходят? Почему зайцы не летают? Почему у птицы две ноги, а у комара шесть?» Но больше всего ему хотелось знать, почему дятлы не могут петь, как соловьи.

— Наверное, всё дело в длине носа,— попробовала объяснить птенцу дятлиха.— В нашем роду твой нос самый длинный. И я

хочу предупредить тебя, сынок, что он ещё вырастет, если ты будешь им всё время стучать, долбить. Оставь свой нос в покое. Зачем ты сушь его всюду, куда не надо, даже в муравейник?

— Кому не надо, а мне надо. Мне интересно, что там, в муравейнике, внутри. А потом, муравьи съедобные.

— Ты что, их пробовал?

— Пробовал! Но главное, я сделал важное открытие. Я их хватал и ронял. И они, падая ко мне на грудь, от злости обрызгивали мои перья своей муравьиной кислотой. Знаешь, мама, я стал чище, чем если бы выкупался в луже! Теперь я всегда буду принимать муравьиный душ.

Любопытство уводило Тук-Тука всё дальше и дальше от родного гнезда.

Однажды молодой дятел очутился в незнакомом лесу. Там он увидел осину, чьи листья так дрожали, будто дерево знобило.

— Что с вами? Вы заболели? Не могу ли я вам чем-нибудь помочь? — вежливо осведомился Тук-Тук.

— Мне плохо! — ещё сильней задрожала осина. — Они изведут меня.

Тук-Тук посмотрел вправо, потом влево. Нигде не было видно ни одного насекомого, ни на ветках, ни на стволе.

— Вы их не увидите, — горестно прошелестела осина. — Они под корой. Я погибла. Ни одна птица мне не поможет.

— И всё же я попробую вас полечить.

Сильный клюв ударили по стволу. Кусочки коры посыпались, открывая вход в одно из убежищ личинок. Тук-Тук хорошо победал в этот день.

Болезнь осины оказалась запущенной. Лечение пришлось несколько раз повторить, отчего в стволе образовалось дупло. Но больная почувствовала себя лучше и любезно предложила дятлу поселиться в дупле.

— Ведь вы недосыпаете. Нельзя выспаться, когда на спину капает дождь.

— Конечно, приятно иметь над головой крышу, но я боюсь вас стеснить...

— Что вы! Мне будет приятно, что мой квартирант сам милый доктор Тук-Тук!

Осина разболтала родственникам и знакомым про молодого доктора, чей нос творит чудеса.

И зашелестели ветки деревьев:

— Доктор Тук-Тук, помогите! Доктор Тук-Тук, мы вас ждём!

Молодой дятел стал лесной «скорой помощью». Каждый день он летал по вызовам. Хорошо, хоть не будили по ночам.

Чтобы меньше тратить времени на перелёты, Тук-Тук выдолбил себе ещё одно дупло в другом конце леса. Пожил там, а потом вернулся на старую квартиру.

В дупле, как обычно, было темно, ничего не разглядишь. Но Тук-Тук почувствовал, что в своём доме он не один. Под ним что-то зашевелилось.

Кто-то невидимый пискнул и больно ущипнул дятла за бок. Потом ещё раз ущипнул.

Не дожидаясь нового щипка, Тук-Тук вылетел из дупла.

За ним гналась разъярённая мухоловка-пеструшка:

— Нахал! Забрался в чужой дом, сел детям на голову...

— Но это же мой дом! — оправдывался сконфуженный дятел.

— Я тебе покажу, чей это дом!

Мухоловка взъерошила перья, готовясь к бою. И тут она узнала Тук-Тука.

— Ах, это вы! Извините...

Подлетел мухолов и тоже стал извиняться:

— Мы никогда не посмели бы, но нам сказали, что эту квартиру вы бросили. Между прочим, мы сделали ремонт, пухом утеплили пол. Конечно, вы вправе нас выставить. Но пожалейте наших малышей. Самим нам дупло не выдолбить. Сравните свой нос с нашими.

— Однако ваши носы здорово щиплются! — Дятел почесал клювом бок. — Я вас не прогоняю, живите. Куда ж вам деваться с детьми!

Пришлось Тук-Туку снова долбить дупло. За этой работой его и застала дятлиха, прилетевшая навестить пропавшего сына.

— Мама! Вот уж не ожидал! — обрадовался Тук-Тук. — Как ты меня отыскала?

— Да тебя, оказывается, даже лягушки знают. Сорока передавала о тебе в последних новостях.

— Забавно! А я и не слышал.

— Зато мы слушали всей семьёй. «Наш уважаемый...», «Наш заслуженный...», «Наш известный...». Вот уж не думала, что мой носуля станет знаменитостью и забудет родную мать.

— Ну что ты, мама! Я никого не забыл. Как поживаются папа, братишки, сестрёнки? Просто мне очень некогда.

— Значит, долбишь и долбишь? Всё для других стараешься? А пора бы о себе подумать. Ведь нос-то растёт...

Тук-Туку были очень неприятны эти слова. Молодая дятлиха, с которой он переглядывался и перестукивался, не находила его уродом. Но что она скажет, если у него нос станет ещё длинней?

«Хватит! — решил Тук-Тук. — Больше дупел я не долблю».

Погода испортилась. Два дня лил дождь. И Тук-Тук отдыхал на новоселье.

Но на третье утро, выглянув из дупла, дятел понял, что и здесь ему не будет покоя.

С веток сорвались и бросились ему навстречу синицы, мухоловки, горихвостки, вертишечки, поползни. И зазвенели, защебетали, запищали.

Они жаловались, что лес большой, но дупел не хватает, жить без крыши плохо, малышей заливает дождь. И выручить их может только он, дятел. Мухоловка-пеструшка, которую он осчастливили, рассказала им про его доброту.

— Вся наша надежда, Тук-Тук, на твоё великодушное сердце и твой длинный нос!

Добрый дятел не мог отказать бездомной птичей мелюзге. И опять он лечил и долбил, долбил и лечил, стараясь не думать о носе.

Зато, пролетая по лесу, он слышал, какправляли в дупле новоселье горихвостки, как большая синица, самая из мелких лесных птиц многодетная, пела колыбельную своим четырнадцати малышам.

А осенью по лесу стала кочевать новая синичья стайка. В ней собралась молодёжь: и большие синицы «большаки» в жёлтых с чёрной полоской жилетках, и лазоревки в шапочках цвета летнего неба, и маленькие вертлявые московки, и гаички-пухляки — серые комочки пуха на тоненьких ножках.

К Весёлым Бродяжкам, как прозвали эту синичью компанию, примкнул и знаменитый своим лихим свистом поползень.

Синичата всюду сопровождали дятла. Своими маленькими клювами они начисто выбирали чуть заметные личинки из расколотой дятлом коры.

Весёлые Бродяжки и уговорили Тук-Тука не улетать на зимовку в Африку.

Разговор начал Больshaчок:

— Зачем вам, дятлу, этот зимний курорт для мухоловов? Пусть улетают те, кому здесь зимой есть нечего. Но вам с вашим носом смерть от голода не грозит. А где вы, там и мы.

— Может, останемся? — пискнул Пухляк. — Всё-таки любопытно, какая она такая, зима.

— Любопытно, — согласился Тук-Тук. — Признаться, я и сам подумывал остаться, но одному скучно. А в компании я не прочь.

Услышав ответ дятла, поползень радостно свистнул и начал спускаться по стволу вниз головой, как умеют спускаться только одни поползни.

Они остались. Опустевшие квартиры улетевших на юг муховок и горихвосток стали синичьими общежитиями. Здесь маленькие Бродяжки ночевали хвост к хвосту

По утрам дятел будил ночлежников, постукивая по стволу.
— Живы ли вы, синичата?

И слышал в ответ бодрый писк:
— Живы! Живём! Выживем!

Но выжить было нелегко. Жуки и личинки ушли под кору так глубоко, что дятел не мог их достать. Дятел завёл себе кузницу. Под ёлкой валялись растрёпанные шишки, которые он ловко раскалывал, чтоб добыть семена.

Еловые семена не нравились синичатам, и Весёлые Бродяжки рас прощались с Тук-Туком.

А тут наступило Время Долгих Чёрных Ночей — самое страшное для дневных птиц, чьи глаза не видят в темноте.

Весь год идёт борьба тьмы и света. Летом побеждает день, зимой ночь. От ястреба можно спастись, от темноты не спасёшься. Она настигает всюду — и в небе, и на земле. Она крадёт часы света, а для дневных птиц это часы жизни.

Ночью, забившись в дупло, Тук-Тук думал о своих друзьях, маленьких отважных Бродяжках, которые ходят босиком по снегу. Что с ними? Удаётся ли им за короткий зимний день наклеваться досыта? От голода слабеют, а слабых добивает мороз.

Но вот ясным морозным утром Тук-Тук услышал позывные большой синицы. К нему в кузницу залетел Больша чок.

— Ты жив! Как я рад! Но почему ты один?

— Наша компания распалась. Голубые шапочки откочевали на юг, там, по слухам, теплей и сытней. Свистун-поползень от делился, ищет свои запасы. Осеню он запрятывал орехи в щели коры.

— А где твои сёстры Пинь-Пинь и Синь-Синь?

— Сёстры подались в город. Выглядывают провизию, которую люди вывешивают за окно. За это сестёр прозвали «форточницами».

— Ну, а Пухляк?

— Пухляк был мой лучший друг. Маленький и такой храбрый. Он очень ослабел от голода, и я один полетел в разведку.

Больша чок рассказал дятлу, как он постучался клювом в окно избушки лесника. Добрая девочка вынесла ему пригоршню крошек белого хлеба. Больша чок поклевал и полетел за Пухляком.

— Он меня не дождался, замёрз, — печально закончил свой рассказ Больша чок. — Я тебе покажу, где он лежит.

Под берёзой виднелся комочек пуха, серый на белом снегу. Погибали птицы, погибали и звери. В конце зимы навалило столько снега, что молодые олени увязали в сугробах.

Тук-Тук увидел оленёнка, попавшего в снежный плен. Зверёныш лежал, закрыв глаза. Погиб? Или жив, но так ослабел, что не может выбраться из белой западни?

— Нашёл время разлёживаться! — крикнул Тук-Тук. — А ну, поднимайся, вставай!

Оленёнок не встал. Но у него дрогнуло ухо. Значит, жив!

— Кому говорю, вставай! — не унимался дятел.

— Я не могу!

На дятла печально взглянули огромные оленьи глаза.

— Можешь! Постарайся — и встанешь. Зиму держался и вдруг раскис. Все в лесу ждут весну. А ты чего ждёшь? Чтоб тебя съели волки?

— До весны далеко. Мне не дожить.

— Почему ты решил, что до весны далеко? Откуда ты знаешь, какая она, ты её толком не видел.

— Мать рассказывала, что весной поют птицы. А я не слышу песни, хотя не глухой. Не надо обманывать меня, Тук-Тук:

Оленёнок снова закрыл глаза.

Тук-Тук сам понимал, что трудно поверить в весну. Морозная белая тишина. Застыли ветки, словно вмёрзнув в ледяной хрусталь воздуха. И ни одной птичьей песни.

Почему он, Тук-Тук, неспособен петь? Всё из-за своего длинного клюва. Укоротить бы его, обломить хотя бы кончик...

Дятел в отчаянии ударили клювом по сухому сучку.

Сучок загудел. Крепкий клюв не обламывался, хотя дятел колотил им по сучку изо всех сил.

Сучок всё гудел, гудел...

А что, если эти звуки, похожие на дробь барабана, заменят оленёнку птичью песню, и он поверит, что дождался весны?

Тук-Тук стал барабанить, но уже спокойно и размеренно: «Вес-на! Вес-на! Идёт вес-на! Встре-чай-те вес-ну!»

Из-за облаков выглянуло солнце и улыбнулось, разгадав хитрость дятла-барабанщика. Когда улыбается солнце, плачут сосульки. Одна из ледяных сосулькиных слёз упала на спину оленёнку. Он вздрогнул и открыл глаза.

Солнце улыбнулось ещё веселей, и сосульки заплакали на взрыд. На стук капели прилетел Большачок. Он начал со звонкого выкрика:

— Пинь-пинь-ра-ра-ра!

А потом полностью спел весеннюю песню большой синицы:

— Ци-ци-фи! Ци-ци-фи! Ци-ци-фи!

Тогда оленёнок приподнялся, напрягся, вскинул копытца и стремительным броском вырвался из снежного плена.

Пошатываясь от слабости, но уже повеселевший зверёныш побрёл встречать весну. Когда оленёнок скрылся, дятла окликнул спрятавшийся за стволом дуба Аук:

— Ты что своевольничаешь? Кто позволил тебе распускать слухи: весна идёт, встречайте весну! До весны ещё далеко.

— Но я должен был спасти оленёнка. Неужели ты будешь за это меня ругать?

Аук не бранил дятла, он даже решил его наградить:

— Хочешь, я сделаю твой нос короче, чтоб ты мог петь?

Тук-Тук задумался. Ему очень хотелось петь, хотя бы так задорно, как синица. О соловьином голосе он не смел мечтать. Но если его нос станет короче...

— Спасибо, Аук! — сказал дятел. — Мой длинный нос мне ещё пригодится. В лесу много хороших певцов, а доктор и строитель птичьих квартир я один.

— Верно, в лесу много певцов, — согласился Аук. — Зато барабанщик — ты один. Сегодня твой барабанный бой был для Лесного Народа первым сигналом весны. И лес этого не забудет.

Аук позвал дятла к себе в кладовую, обмакнул палец в красную краску и приложил палец к птичьей голове.

— Первому барабанщику весны полагается красная шапочка!

Тук-Тук от смущения неловко повернулся, и красная шапочка сползла на затылок.

А вечером в последних новостях сорока сообщила, что все сыновья, и внуки, и внуки внуков Тук-Тука унаследуют красную шапочку, цепкие когти и длинный крепкий клюв, станут весенними барабанщиками, докторами деревьев и строителями птичьих квартир.

И так будет всегда, пока на земле стоит лес!

Почему мы радуемся и волнуемся, когда слышим в лесу барабанную дробь дятла? Это первая музыка весны.

Она говорит и людям, взрослым и ребятам, и зверям, и птицам, оленятам, синичатам — всем, кто обессилел за зиму, кто устал, кто соскучился по солнцу:

— Нельзя сдаваться! Держитесь! Терпеть и ждать осталось недолго. Весна! Идёт весна!

Уже холодными стали ночи. Утреннее солнце не могло разбудить уснувшего и закоченевшего на цветке шмеля. Но что осенняя стылость зверю, одетому в густой и тёплый мех!

И всё же Бобрёнок понимал, что лето кончилось. Об этом ему сказали стебли осоки и тростника. Они стали невкусными, грубыми. Летняя сочность ушла из них.

Осень зверёныш учуял и в запахе речной воды. Летом она пахла по-другому.

Была у Бобрёнка ещё одна верная примета осени. Отец, которого он с нетерпением ждал, вернулся домой.

Летом они жили порознь. Отец считал, что и без него бобрята будут послушны нежному призыву матери: «О-о-о!» А отдельился отец потому, что в хатке стало тесно. Семья прибавилась, на постели из стружек спали бобрята двух выводков.

Бобрята не осуждали отца. Он оставил семье надёжное убежище. Дом бобра, как убедились волки, неприступная крепость, куда не ступит ни одна чужая лапа, не заглянет чужой нос.

Старый Бобр сам складывал из сучьев стены и обмазывал грязью, которую приносил со дна реки, прижимая лапами к груди. Засохшая грязь, как цемент, скрепила постройку. Если бы даже на крышу бобровой хатки забрался медведь, он бы её не продавил.

Чтобы попасть в дом, надо было нырнуть, входы-выходы вели в реку. Но это было по нраву хозяевам дома. Тот, кто родился бобром, всё делает в воде: ест, играет, прячется от врагов.

Неуклюжий на суше Бобрёнок был прекрасным пловцом. Он мог пробыть под водой целых пять минут, и вода не попадала ему ни в рот, ни в плотно прижатые уши. И прижатыми ушами он слышал голоса реки. Их было много. Они были разные: булькающие, журчащие, звенящие... И он их все понимал.

Голоса рассказывали ему, где течение быстрое, где на дне камни, где глубина, где мель. По-особому звучали голоса возле перегородившей лесную речку бобровой плотины. Бобрёнку казалось, что речка поёт славу зверям-строителям, чьим единственным инструментом были ловкие лапы и острые зубы.

По плотине бегали трясогузки. Отсюда им было удобно охотиться на комаров. Осеню на запруду опускались пролётные стаи диких уток. Однажды Бобрёнок видел, как по верху плотины, как по мосту, через речку переправилась куница. Олениха с детёнышем приходила к запруде на водопой.

И Бобрёнку хотелось крикнуть зверям, птицам, деревьям, травам — всем, кто волосатыми губами, клювами, корнями пил воду, которую плотина для них сберегла: «Знаете, кто построил эту плотину? Мой отец вместе с другими бобрами. А скоро буду строить и я, сын бобра!»

Зверёныш гордился своим родом, который пошёл от Великого

Бобра, первого строителя плотин. Но в эту осень случилось происшествие, которое Бобрёнка и смущило, и встревожило.

Выплыв из дома ещё засветло, он увидел на берегу медведя, над которым с криком кружились дрозды-рябинники:

— Пусть тебе не будет покоя от блох! Пусть тебя зажалят пчёлы! Ты сломал нашу любимую рябину! Ты губишь лес!

— Но я нечаянно,— сконфуженно оправдывался медведь.— Уж очень захотелось ягод. Я не знал, что рябина такая ломкая...

Однако, заметив Бобрёнка, медведь переменил тон:

— Где справедливость? Мне за одну рябину чуть было глаза не выклевали, а бобры сколько деревьев валят, а им ничего!

— Сравнил! — вступил за честь своего семейства Бобрёнок.— Ты всё ешь — мясо, рыбу, ягоды, а нам без коры осины и лозы не прожить. И самое главное: вода нужна всем, а строить плотины умеем только мы.

И всё же последнее слово осталось за медведем:

— Не больно-то важничай. Плотины человека лучше ваших!

Кому же теперь верить? Отец рассказывал, что уже первая плотина Великого Бобра была построена по-хитрому, с выгибом, чтоб не снесло в половодье, которое на языке бобров называется «Большая вода». И вдруг оказывается, что какой-то человек...

Вот почему Бобрёнок с таким нетерпением ждал отца. Отец ему скажет: есть ли на свете строитель лучше Великого Бобра.

Прежде всего Старый Бобр выслушал Бобриху. В его отсутствие случилось несчастье. Одна из малышек-бобрят не послушалась приказа матери: пока не прибавишь в весе, сиди дома. Плывшую по реке малышку подхватил и унёс в когтях болотный лунь. Если бы ей удалось нырнуть, она бы спаслась. Но лёгкое да ещё в пушистом меху тельце всплывало, как поплавок.

— Надеюсь, что остальные дети живы? — угрюмо спросил Старый Бобр.— А знают ли они, почему им каждую ночь нужно грызть дерево?

— Знаем! — дружно откликнулись бобрята.— Чтобы стачивать зубы. Наши зубы всё время растут. Кто ленится, у того так отрастут зубы, что не закроется рот.

— Ну так вот: с этой ночи вы будете отгрызать сучья от деревьев, которые я повалю, и сплавлять к нашей хатке. Пора делать запасы. Ворона предсказывала: ожидается ранняя зима.

Всю ночь бобрята грызли сучья в семейном осиннике. Росший на берегу лес был поделён между местными бобрами, и Старый Бобр из своей летней норы зорко следил, чтобы соседи не тронули деревьев, которыми по праву владела его семья.

Домой вернулись только на рассвете. Все очень устали, и всё же Бобрёнок не утерпел, попросил отца:

— Расскажи мне про человека. На кого он охотится? Какие у него зубы? Правда ли, что он строит лучше, чем мы?

— У человека плохие зубы,— ответил Старый Бобр,— дерево

ими не спилишь, зато хорошая голова. Чего он только не придумал! Он пилит стальными зубами — они так и называются «пила»,— плавает в лодке, не замочив ни спины, ни брюха. Он перекрыл плотинами из камня такие большие реки, каких нам не перекрыть. Но всё-таки первую на свете плотину построил не он, а Великий Бобр.

— Я хотел бы послушать,— сказал Бобрёнок,— о чём говорят у каменной плотины голоса реки.

— О том, что если ты встретишься с человеком, ныряй немедля, иначе ты погиб. Были у людей племена, которые называли бобров братьями. Но это было давно. А сейчас кого мы больше всего боимся? Человека! Своей меховой шубы, как у нас, у него

нет. Ради тёплого меха он истребил столько бобров, что нас осталось совсем мало. И мы прячемся от людей в лесной глухи, чтобы вовсе не перевёлся наш род.

Над рекой уже давно взошло солнце, но в хатке, как всегда, было темно. Всё семейство спало, только Бобрёнку не спалось. Он думал про стальные зубы — пилу, про вёсла — длинные деревянные плавники по бокам лодки, и про другие хитрости человека.

За стенами хатки послышались чьи-то шаги.

— Кто-то ходит возле нашего дома. Наверное, медведь.

— Шаги не медвежьи, — приподнял с перины голову Старый Бобр. — Это самые страшные шаги. К нам пришёл человек!

«Ныряй немедля!» — вспомнил Бобрёнок и нырнул в подводный коридор.

Однако, выплыв в реку, Бобрёнок успокоился, даже высунул голову из воды. Ему очень хотелось посмотреть, каков из себя человек.

Человек был не в мехах, а в осеннем наряде. Толстая, на вид скользкая и блестящая, как у угря, чужая кожа защищала его от дождя.

Волосы у человека росли только на голове, и самые длинные вокруг рта. Потом отец объяснил Бобрёнку, что такой длинный пучок волос называется «борода».

Человек уплыл в лодке, никого не тронув. Но возле хатки на берёзе осталась его метка, издали заметный чёрный знак.

Зверь метит дерево своим запахом, чтобы все, кто пройдёт мимо, знали: «Это моя дорога! Я здесь был». Другой зверь, прочитав невидимую, но пахучую надпись, оставит на том же дереве и свою: «Где был ты, там был и я!»

Но что означал противно пахнущий знак человека? Ни один нос этого не понял, хотя чёрную метку нюхала вся бобровая семья.

«Может, это значит, что Борода вернётся, чтоб всех нас погубить?» — тревожился Бобрёнок.

Человек больше не появился. Никто не мешал бобрам закончить осенние работы в срок.

Река замёрзла. Семейный осинник засыпало снегом. Бобры простились с лесом, но не простились с водой.

Зимние запасы сучьев были сложены неподалёку от хатки на дне реки. Когда Бобрёнку хотелось есть, он нырял за ними под лёд. Плавал в ледяной воде и ни разу не простудился. Густой да ещё смазанный жиром подшёрсток оставался сухим.

Озябли только лапы. Тут Бобрёнка выручал его очень жирный и потому всегда тёплый хвост. Вернувшись в хатку, Бобрёнок подстипал под себя свой чешуйчатый, плоский хвост и сидел на нём, как на грелке, пока лапам не становилось тепло.

Даже зимой Бобрёнок слушал голоса реки. Они звучали глухо и грустно. Река роптала, что её, вольную речку, заковало в лёд. Река обещала Бобрёнку, что весной, когда ему исполнится два года, она, вырвавшись на свободу, возьмёт его с собою.

Бобрёнок жадно ждал весны. Родительский дом стал для него тесным, его тянуло в неизвестную даль.

Весной, когда трясогузка известила, что начался ледоход, в семье бобров не стало старшего сына. Его увела Большая вода.

Над разливом кричали в небе пролётные стаи гусей и уток. Река вышла из берегов, и трудно было сказать, чья дорога шире: птичья, воздушная, или водная, по которой плыл Бобр.

Теперь я буду так его называть потому, что тот, кто покинул родительский дом, уже не детёныш, а самостоятельный бобр.

— Что может быть лучше Большой воды! — сказал Бобр проплывавшему мимо серебристому окуню. — Я рад. А ты?

Окунь в ответ согласно плеснул хвостом.

Но из затопленного леса послышался недовольный голос:

— Кто радуется Большой воде?

Из дупла высунулась острые мордочки горностаюшки.

— Может, тебе, бобру, чей хвост в чешуйках, и приятно рыбье общество, но я не звала к себе в гости щуку. Река отняла землю у леса. Для нас, лесных зверей, Большая вода — это большая беда. Мои малыши захлебнулись бы, если бы я в зубах не перетаскала их в дупло.

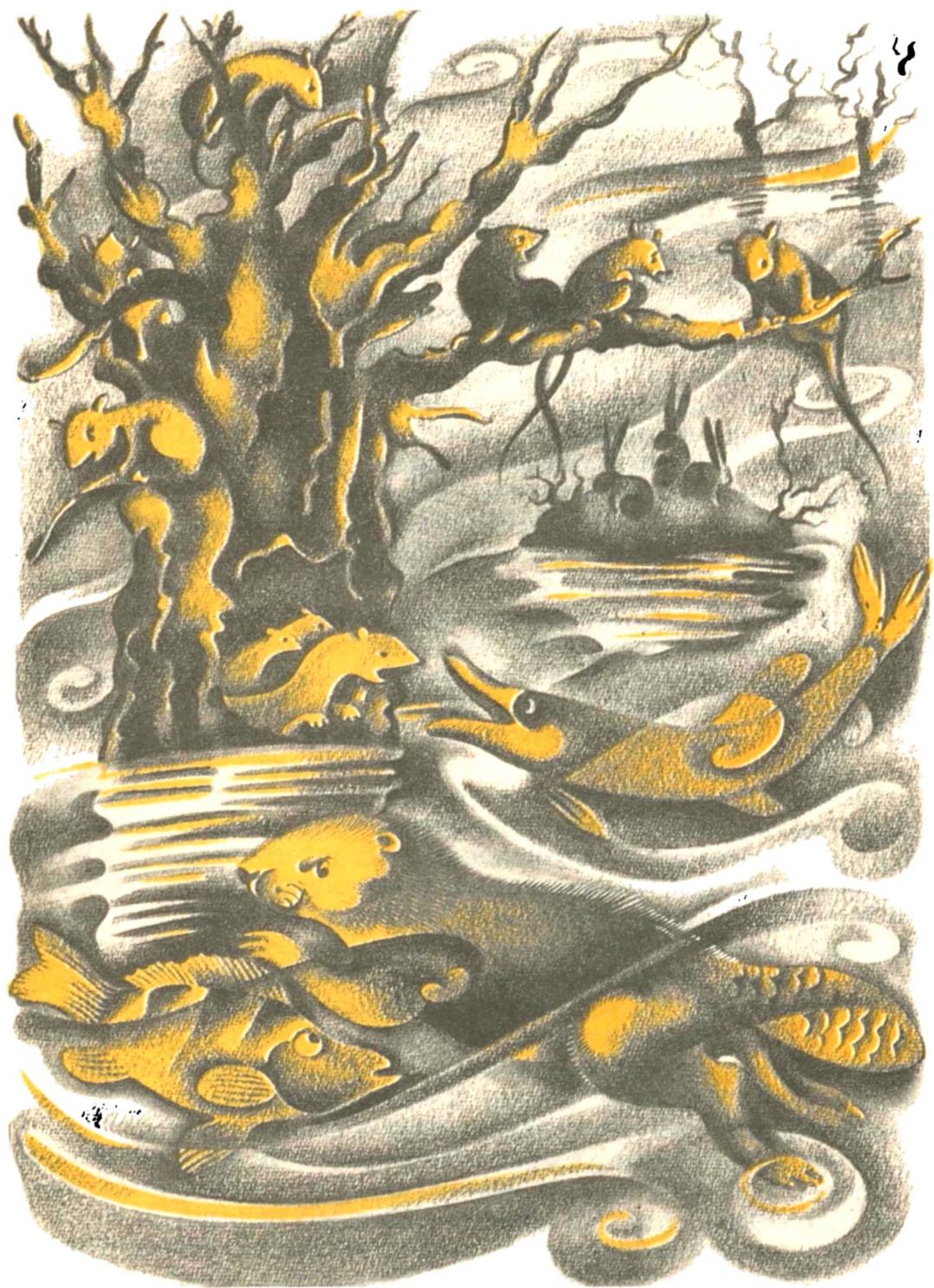
Большая вода всё перепутала, нельзя было понять, где начинается лес и где кончается широко разлившаяся река. В нору горностая заглянула щука, оленевой тропой завладела плотва. Водяные крысы покинули затопленные норы и, как птицы, бок о бок сидели на суху.

Хуже всего было тем, кого разлив застиг в долине, где лесная речка сливалась с большой рекой. Тут было настояще весеннее море. Лишь кое-где над водой поднимались островки.

К одному из них пристал Бобр. Даже хорошему пловцу надо отдохнуть. Отряхиваясь, он услышал в кустах тихий разговор:

— Не бойтесь, он и лягушки не тронет. Ведь это бобр.

— Откуда ты знаешь? Раз ты такой храбрый, выходи первым.

Из кустов выскоцил заяц, за ним ещё два.

— Отсиживаешься, хотите переждать, когда спадёт Большая вода? — спросил их Бобр.

— Хотим! — вздохнул заяц похрабрей. — Да вот переждём ли... Видишь, из воды торчит дерево? Там был островок, на нём тоже спасались зайцы, а теперь ни островка, ни зайцев...

Осмелев, заговорил и заяц потрусливей:

— Не утонем, так пропадём с голоду. Все кусты мы уже обгладали. На осинке свежие ветки высоко, нам не достать.

— Достанете, я вам её спилю! — пообещал зайцам Бобр.

Но выполнить обещанное он не успел. К островку приближалась лодка. В лодке сидели двое, и один из них — теперь и близорукий Бобр смог его рассмотреть — был Борода.

— Это за нами. Если вам дорога собственная шкура — ныряйте и плывите! — скомандовал зайцам Бобр.

Зайцы потрусливей юркнули в кусты. Заяц похрабрее остался. Он с тоской смотрел на воду и весь дрожал.

— Я утону: не умею плавать. Лучше спрячусь, может, они меня не найдут...

— Тогда прощай!

И по воде пошли круги от нырнувшего Бобра.

Вынырнув, он обернулся. Люди ходили по островку, разворачивая сеть. Больше Бобр не оборачивался. Он не хотел видеть печального конца зайцев, которые запутаются в этой сети.

Пока не спадёт Большая вода, не знаешь, где строить хатку. Временно Бобр поселился на поросшем осинками бугре. Он не подозревал, что русло реки далеко отсюда, что озерко под бугром не настоящее, оно скоро высохнет.

Надоумила Бобра лягушка, на которую он чуть было не наступил.

— Извини! Я тебя не заметил.

— Где уж меня заметить тому, кто не заметил, что ушла река, — насмешливо проквакала лягушка.

Только тогда Бобр спохватился. Он упустил время, река вернулась в свои берега. И добираться до неё ему придётся пешком, посуху, а он, как и все бобры, плохой ходок.

В каком направлении идти, он не знал и на рассвете очутился перед деревней. Решил обогнать её незаметно, пока люди спят. Но собака почуяла зверя и погналась за ним.

Бобр поскакал тяжёлым галопом. Всё равно собака его настигла. Вот-вот её зубы вцепятся в чешуйчатый хвост.

Ноздри зверя уловили слабый запах воды. Вода его спасёт!
Запах шёл из деревенского колодца.

И, перевалившись через низенький сруб, Бобр бултыхнулся в воду вниз головой.

— Он здесь! — лаяла собака. — Он не наш! Хватайте его!

В колодезной воде заколебались отражения человеческих лиц. Должно быть, люди совещались, что делать с засевшим в колодце зверем, но их языка Бобр не понимал.

Потом всё стихло. Люди разошлись. Бобр уже подумывал, с какой стороны начать грызть сруб, как снова загудели голоса.

Бобр обмер. Теперь он попался! Наклонившись над срубом, на него в упор смотрел Борода.

Куда его везут, Бобр не знал. Он знал одно: бежать невозможно, стенки ящика, в котором его везут, не прогрызть.

Сперва ящик тряслось, потом стало мягко покачивать, как покачивает плывущую лодку река.

Пленник не видел реки, но слышал её голоса. О чём они говорили? Прощались с ним?

Но он не хотел прощаться с лесом, с рекой, он хотел жить!

Опять сильно встряхнуло. Наверное, люди взяли из лодки ящик и понесли.

Толчок — и дверца открылась.

Бобр не сразу поверил, что там, за открытой дверцей, его ожидает самое дорогое, что есть на свете, — воля.

Сперва поверил нос, втянув вечерние запахи реки и леса.

Потом поверила лапа, ступившая на траву.

Галопом Бобр доскакал до реки и нырнул в воду.

Затаясь у противоположного берега, он видел, как проплыла лодка, на которой сидели Борода и его помощник. На своём непонятном человеческом языке Борода крикнул что-то доброе и весёлое. Бобру вспомнилось материнское: «О-о-о!»

А в кустах на берегу Бобра ожидала новая встреча.

— Я вам говорю: это он! Это тот самый бобр!

Они его узнали, и он их узнал — трёх зайцев, которые отсиживались на островке.

— Помнишь, — сказал заяц похрабрей, — ты советовал мне нырять, иначе люди снимут с меня шкуру? Как видишь, моя шкура на мне!

— И наши шкуры целы! — запрыгали два других зайца. — Люди привезли нас в этот лес и выпустили. А как ты сюда попал?

Если бы сейчас Бобру встретился отец, он бы сказал ему, что побывал в руках у человека и остался жив. Значит, есть и добрые руки! И тогда метка на дереве возле хатки не страшна. Она означает, что человек берёт под свою защиту тех, кто в этой хатке живёт.

— Потом поговорим,— сказал зайцам Бобр,— сначала надо осмотреться на новоселье.

Хорошо, когда можешь свободно плыть и никто за тобой не гонится. На воде серебрилась лунная дорожка, и такими же серебристыми слышались плывущему зверю голоса реки.

А как они заговорят у плотины, которую построит он, Бобр, сын Бобра и потомок Великого Бобра!

Ты уже знаешь, как внучки Аука Березка и Осинка забрасывали в поле десант, как Ёлочка завоёвывала север, Сосенка карабкалась на скалы и через пески пробивалась к морю.

А вот тихая и застенчивая Ивушка не участвовала ни в одном из походов. Так и осталась домоседкой.

— Чудачка! — удивлялись на неё сёстры. — Неужели тебе не хочется повидать то, чего в лесу не увидишь?

— А я и дома всё знаю! — отвечала Ивушка. — Чего я не видела, чего не слыхала, мне всё расскажет скворец.

Скворец славился на весь лес как дразнила и пересмешник. Он даже сумел обмануть дроздиху. Она вылетела навстречу пересмешнику, приняв его свист за свист дрозда.

— Я этому наглецу все перья выщиплю! — грозился дрозд. — Но ты... Неужели у тебя нет слуха?

— Я думала, что ты меня зовёшь, — оправдывалась дроздиха. — Он свистел точь-в-точь как ты!

— И вовсе не точь-в-точь! Где ему, свистуну, петь так, как поём мы, певчие дрозды, родственники соловья. Он сфальшивил, не мог взять чисто первую ноту.

Но Ивушка была в восторге от скворца, который устраивал для неё целое представление:

— Сейчас ты услышишь семейный скандал в курятнике.

И в лесу раздавался крик петуха и бестолковое кудахтанье кур.

— Теперь послушай, как по просёлочной дороге едет телега.

И скворец скрипел, как несмазанное колесо.

— А вот пастух щёлкает кнутом... Ну, а сейчас мы на болоте. Лягушки квакают, предсказывают дождь.

— Какой талант! — восхищалась Ивушка. — Скворушка, ты можешь всё!

— Ну, не совсем всё, — должен был признаться скворец, хотя он не отличался скромностью. — Я бы очень хотел передать, как шумит речка, но у меня не получается.

— А что такое речка? — полюбопытствовала Ивушка.

— Фью! — свистнул скворец. — Она не знает того, что известно даже комару! Речка... Не могу объяснить. Ты должна её увидеть и послушать сама.

С этого дня Ивушка загрустила. Аук, увидев её пониклые ветки, забеспокоился: уж не заболела ли она?

И тогда Ивушка сказала, что хочет услышать, как шумит речка. Можно ей ненадолго отлучиться из леса? С ней согласны пойти шесть сестриц.

Аук никогда никого не удерживал.

И перед восходом солнца из леса вышли семь босоногих странниц. На головах зелёные платочки, в руках ивовые посошки. Это сёстры Ивушки обернулись людьми.

Младшая Ивушка — всему заводила — шагала впереди.

Шагала и удивлялась. Не зацепишься за ветку, не споткнёшься о корень. Нет лесной тесноты — кругом простор!

В лесу, где высокие деревья закрывают небо, всегда сумрачно. О том, что взошло солнце, лесные жители узнавали по солнечным пятнышкам, пробившимся через густую листву.

А здесь каждой козявке было видно, как встаёт солнце, как из-под земли вылезает огненный шар.

В этот час пробуждения солнца всё было розовым: и небо, и пыль на дороге, и роса на траве.

Ивушка, привыкшая жить в зелёном мире, была поражена многоцветием луга. Будто с неба упала радуга и разбилась на тысячу осколков-лепестков. В траве, не по-лесному густой и вы-

еской, прятались голубые и лиловые колокольчики, белые ро-
машки, алые гвоздички, малиновые смолки.

Над ними жужжали пчёлы, гудели шмели. Потирая ножкой
о ножку, в траве стрекотали кузнечики.

— Кто это поёт? — спросила Ивушка. — Может, это речка
шумит?

— Нет! — ответил луг. — Это моя песня, душистая песня мё-
да. А до речки тебе ещё идти и идти.

Но уже наступил полдень, и идти под жестоким полуденным
солнцем становилось всё трудней и трудней.

Странницам встретилась женщина с маленьким сыном. Он
устал, ему напекло голову. Дёргая мать за юбку, малыш ныл:

— Мама! Скоро лес?

— Зачем тебе лес?

— Ты сказала: в лесу посидим в тенёчке.

— Я бы и одному дереву была рада. Но что поделаешь? Тер-
пи, сынок!

— Я не могу больше терпеть!

И малыш заплакал.

Шесть странниц переглянулись, воткнули в землю свои по-
сошки и превратились в деревья. По обе стороны дороги встали
ивы: шесть больших и шесть маленьких, выросших из посошков.

Прохладная тень упала на плечи ребёнку, и плач затих.

— Мама! — вздохнул малыш. — Теперь я посплю в тенёчке?

— Конечно, поспи! И я отдохну рядом с тобой.

Но сперва женщина низко поклонилась зазеленевшим у до-
роги ивам:

— Спасибо вам, добрые деревья! Спасибо тебе, лес!

Ивушка не осталась с сёстрами. Она жалела ребёнка, но зов
невидимой речки был сильней.

Тропинка, которую выбрала Ивушка, увела её в поле коло-

сияющейся ржь. Налетел ветер, зашуршали, заколыхались колосья, по полю пошли зелёные волны.

— Кто это поёт? — спросила Ивушка. — Может, речка?

— Нет! — ответило поле. — Это моя песня, песня поспевающего хлеба. А до речки тебе ещё идти и идти.

Дорога дымилась пылью. От пыли странница поседела. Обветренное лицо загрубело, босые ноги потрескались.

Но, как и все внучки Аука, Ивушка была упорной. Раз она задумала дойти до речки — она дойдёт!

И вот в зелёной глубине долины что-то заблестело на солнце. Будто миллионы миллионов росинок слились в один огромный, широкий поток.

Повеяло прохладой. До Ивушки донеслись звуки, напомнившие ей бормотание тихого ночного дождя.

Мимо пролетела синяя стрекоза.

— Кто это поёт? — спросила стрекозу Ивушка.

— Это шумит речка! — Стрекоза сверкнула в воздухе, словно синяя искра. — Это песня бегущей воды.

Наконец-то усталая странница дошла до реки.

— Мне нравится твой голос, прозрачный и чистый, — сказала речке Ивушка. — Я слышала песни луга и поля. Их слушать приятно. Но ты, речка, поёшь лучше всех!

— Отдохни на моём бережку! — пригласила Ивушку речка. — Ты запылилась. Умойся чистой водой, освежись!

Ивушка опустила ноги в прохладную воду, и так ей стало легко и хорошо.

В реке отражались облака.

«Ой, сколько облаков нападало в воду! — подумала Ивушка. — И не все они белые. Вон у того облака, что на середине реки, края серые, грязные. Надо бы его хорошенько прополоскать».

Однако дотянуться до середины реки Ивушка не могла.

Тогда она воткнула в землю посошок и обернулась деревом. Вцепившись в берег корнями, Ивушка наклонилась так низко, что её длинные гибкие ветки коснулись воды.

Мимо проплыvalа стайка рыб. Они плеснули хвостами, и брызги посеребрили ивовые листья.

Целый день своими пониклыми серебристыми ветвями Ивушка полоскала облака, слушая ласковое журчание речки:

— Я всё думала: чего мне не хватает? Теперь я знаю — мне не хватало тебя, серебристая Ивушка! Посмотрись в моё зеркало, в лесу ты не знала своей красоты.

Речка не льстила. Ивушке самой показалось, что она

похорошела. И она решила погстить здесь подольше, чтобы смотреться в маленький омут каждый день.

Скоро Ивушка обжилась и уже не чувствовала себя одинокой.

С ней здоровались рыбки и лягушки. Она видела, как вечером засыпают, а утром просыпаются кувшинки, белые, как лебеди, цветы. Она перешёпывалась с камышами, узнавала новости от синих стрекоз.

Синие стрекозы знали много. Они летали до самой мельницы, куда съезжались крестьяне молоть зерно.

Двое мальчишек — сыновья мельника — прибежали посмотреть на новое незнакомое дерево. Откуда оно взялось? Его никто не сажал.

Старший вынул из кармана ножик и срезал ивовый прут.

— Смотри! — сказал он брату. — Какой гибкий! Я его гну, а он не ломается. Я сделаю из него лук и буду стрелять в цель!

— Я тоже хочу лук! — запрыгал младший. — И мне сделай! И мне!

Приехавшим на мельницу крестьянам тоже понравились гибкие прутья, из которых можно было сплести корзинки, починить ими плетень.

Проворные руки до того обкорнали Ивушку, что ей пришлось остаться зимовать у речки. Стыдно было показаться в таком не-приглядном виде Ауку и сёстрам.

Весной зазеленевшая Ивушка услышала знакомый голос.

— Кого я вижу? — подлетел к Ивушке скворец. — Тебя не узнать. Это что, модная прическа?

— Я подстриглась, — смущённо прошептала Ивушка. — Может быть, слишком коротко... А ты зачем сюда прилетел?

— Справлять новоселье! — приосанился скворец. — Два симпатичных мальчика, сыновья мельника, построили мне дом.

— Тебе? Ты в этом уверен?

— А кому же? Как раз то, что мне нужно. Однокомнатная квартира. Внутри стенки неструганые, чтобы по ним можно было карабкаться птенцам. Окно — оно же и дверь — на юг. Есть жёрдочка, на которой можно посидеть и попеть. И огород рядом. Надеюсь, там будет достаточно червяков и слизней.

— Но я слышала от стрекоз, — робко сказала Ивушка, — что птичий домик у мельницы уже занят. В нём живут воробьи.

— Жили! — поправил Ивушку скворец. — Заняли нахалы чужую квартиру! Я воробьёв выселил и больше на порог не пущу. Так что будем соседями. Ведь ты не собираешься возвращаться в лес? Хотя старик и сёстры, наверное, скучают без тебя.

— Скучают? Я к ним вернусь, сейчас же вернусь! Где мой посошок?

Но так низко наклонилась Ивушка над водой, что ей уже не выпрямиться, не дотянуться до посошка. Да и посошок больше нет, он стал маленьким деревцем.

И корней из земли Ивушке не вытащить. Глубоко и прочно они вросли в берег.

Ивушка тужилась, тужилась, но не могла сдвинуться с места.

Зато по берегу пошли трещины. В речку с шумом посыпались чёрные комья земли.

От испуга вода в речке подёрнулась рябью. И речка взмолилась:

— Пожалей меня, Ивушка! Если ты вытащишь корни, берег обвалится, меня засыпает землёй. Я тебе ноги мыла, я тебе песни пела, твоим зеркалом стала. За что же ты хочешь меня погубить?

— В лесу меня ждут дедушка и сёстры,— пролепетала Ивушка,— они любят меня...

— Но я тоже тебя полюбила. И белые кувшинки, и жёлтые кубышки, и синие стрекозы — все мы. В лесу много деревьев, ты одна с речкой породнилась. Нам будет скучно без тебя.

И тут заплескались рыбки, заквакали лягушки, зашуршали камыши:

— Ива-Ивушка, не покидай нас!

Ивушка повздыхала, повздыхала и осталась.

Где нам встречаются ивы? Их можно увидеть по обочинам просёлочных дорог. Они напоминают о шестерых странницах, которые, пожалев малыша, превратились в деревья, чтоб в жаркий полдень отбросить на пыльную землю лесную тень.

А чаще всего серебрятся ивы в долинах, где слышится голос бегущей воды. Ведь и первая Ивушка потому и вышла из леса, что хотела услышать песню реки.

Как и первая Ивушка, новые ивушки смотрятся в светлое речки зеркало, перешёптываются с камышами.

Иногда они скучают по лесу. Но вообще-то ивушкам никогда скучать. Весной надо накормить пчёл, которые летят к ним за первым мёдом. Летом их навещают синие стрекозы. Ивушки играют с рыбками и полощут облака.

А осенью они ткут туманы. И словно крестьянки домотканые холсты, расстилают серые туманы в долине ставшей родной им реки.

Не думай, пожалуйста, что птицы появились в лесу все сразу. Они заселяли лес кто раньше, кто позже. Да и не всех Аук принимал.

Жаворонков и воробьёв он отоспал в поле, он отказал гусям и уткам. Разве утиный нос лопаткой — это лесной нос? Разве гусиная лапа-весло — лесная лапа? Не лес, а река гусям и уткам родной дом.

Но вот разрешения жить в лесу попросила невзрачная сенькая птичка. Только одно было у неё красивое — огромные глаза.

— Как тебя зовут? — спросил Аук. — Что ты умеешь?

— Я соловей. Умею петь и научу этому своих детей.

— Песней лес не удивишь. Меня интересует, какой ты охотник. Умеешь ли ты высматривать гусениц, ловить мошкуру на лету?

— Я умею петь, — тихо повторил соловей.

— Ну, что ж! Пока, поживи. Разберёмся: что ты лесу и что тебе лес.

На другой вечер Аук пошёл навестить барсука. Барсук жаловался, что в один из его отнорков самовольно вселилась лиса.

К ночи запахи становятся сильнее. Жгуче пахло черёмухой. В сумерки цветущая черёмуха белела, словно облако, запутавшееся в ветвях. Тянуло сыростью из лесного оврага.

Певчие птицы уже спали. И вдруг из чёрной путаницы кустов донёсся незнакомый Ауку птичий голос. Чистый, прозрачный, как лесная роса.

Он нежно пропел: «Тии-вить». Потом, помолчав, задумчиво прибавил: «Так».

И полилась песня.

Сперва мягко, плавно, как лунный свет. Потом зажурчала, забулькала, словно лесной ручей: «Бюль-бюль-бюль...»

Громкий протяжный свист кончался ликующими раскатами,

будто где-то да чеко в небе прокатился молодой майский гром.

Птичье горлышко пело и за себя, и за всех тех, кто не имеет певучего голоса: за ночных охотников, ежа и барсука: за бродягу зайца; за бабочку, что уснула, сомкнув, словно веки, бархатные крылья; за летучую мышь, которая, заслушавшись, как приколотая, повисла в воздухе; за узловатые корни, за молодой яркий лист — за всё живое, что весна разбудила в лесу.

В птичьей песне была и скрытая в стволе могучего дерева сила, и нежность лепестков лесного цветка.

В птичьей песне была и грусть, и радость, так же как в весенний夜里 есть и густая чёрная тень, и звёздный лучистый свет.

Кто был невидимый чудо-певец, маленький волшебник, сумевший всё это выразить в звуке? Травы привстали на цыпочки, звёзды опустились ниже, чтобы лучше его разглядеть.

Аук осторожно подошёл к оврагу. На ветке молодой берёзы примостилась та самая невзрачная серенькая птичка.

Её трепещущее горлышко раздувалось, крылья и грудь порывисто подрагивали. Казалось, что звонкая сила звуков разорвёт на пёрышки крохотное поюще тельце.

— Я рад, что ты поселился в лесу, соловушко, — сказал Аук. — Ты действительно умеешь петь.

Пока птенец в гнезде, родители вьются над ним: «Хочешь мошку? Хочешь жирного комара?» Но вот птенец вырос. Сколько ни разевай рот, ничего не получишь. Таков суровый, но справедливый лесной закон: ты уже большой, охоться сам!

И за короткое птичье детство как много надо успеть!

Если ты не умеешь отличать съедобное от несъедобного, то не поймёшь, что яркая окраска божьей коровки — отпугивающий сигнал. Не вздумай хватать красного жука, он тебе горло сожжёт!

Если не будешь каждый день подолгу махать крыльями, они не окрепнут. На слабых крыльях на зимовку не долетишь.

Если ты не научился слушать, не станешь хорошим певцом. Школа пения для птенцов — родное гнездо. Певчий дрозд, который вывелся в инкубаторе, тоже запоёт, но полной родовой песни певчих дроздов ему не спеть, потому что он не слышал песни отца.

А Тью её слышал.

«Тью» — так называли соловьи-родители своего первого птенца. Он ещё только попискивал, но родители нашли, что у него и голос, и музыкальный слух лучше, чем у его младших братьев Юи

и Фиида. Дочке Тии-Вить не обязательно было иметь приятный голос, соловьи не поют.

Первое время птенцы кочевали по лесу вместе с родителями. Но и после того, как стайка распалась, Тью часто прилетал на край оврага в родные места. Ветер ещё не разорил затонувшее в траве гнездо, где весной лежали четыре коричневых яйца.

Осторожные и пугливые соловьи не любят открытых полян. А здесь были соловьиные джунгли, непролазные заросли. Они казались ещё гуще от опутавшего кусты и деревья хмеля. Его зеленоватые шишки свешивались над головой сидящего на ветке соловья.

Здесь никем не замеченный Тью тихо посвистывал. Он ещё не мог спеть отцовскую песню. Но он её помнил. Она уже жила в нём.

На краю оврага в густой траве, словно в карликовом лесу, зелёными змеями ползали гусеницы. Тью охотился на них и был польщён, что его охотничий трофеи похвалил сам Аук:

— Ешь побольше, малыш! Копи жир — это твоё птичье горючее. Запасайся им на каждой остановке, когда полетишь в Африку. Путь перелётных птиц трудный и долгий. Хорошо иметь запас горючего на десять часов непрерывного лёта.

— Но я не собираюсь в Африку, Аук!

— И всё же придётся. Это приказ солнца. Вот сигнал.

Аук поднял с земли жёлтый лист.

— Разве ты не заметил, что ночи по-осеннему стали длинней и холодней? Ночь сократила твоё охотничье время, холод отнимет у тебя добычу. В Африке будет тепло и сытно. Ты всё понял?

— Не всё. Я не понял, какой будет сигнал возвращаться домой.

— Этот сигнал не покажешь. Ты узнаешь его сам.

В Африке нет золотой осени. Там листья всегда зелёные. Там в самом холодном месяце года августе двадцать четыре градуса тепла.

В Африке есть чему удивляться: жуку голиафу, самому великанскому из жуков; бабочкам, чьи крылья по размаху могут поспорить с птичьими; шею жирафа такой длины, что жираф ощипывает листья с макушки дерева; ноги слона толщиной с пень старого дуба; ноздре бегемота величиной с небольшое дупло.

Ничего подобного у себя в лесу соловьей не видел. Его поразила отвага маленьких птичек, которые, залетая в разинутую

пасть крокодила, склёвывали остатки пищи, застрявшие между зубами.

И всё же Тью предпочёл бы встретить на зимовке кого-нибудь из своих.

Сердце его ёкнуло от радости, когда однажды он услышал:

— Привет земляку!

Впрочем, соловей тут же разочаровался. Его окликнул кукушкун сын. А про кукушечье племя ходила дурная слава. Пеночки и славки даже подавали жалобу, чтобы кукушку, как вредную, выселить из леса. Но за кукушку заступились деревья. Она поедает волосатых гусениц, которых боятся другие птицы.

— Будешь здесь зимовать? — спросил Тью. — Один прилетел?

— Один. Мать тоже в Африке, но она прилетела раньше. Ты почему о ней спрашиваешь? А знаю, вы все против неё.

— Да, против. Зачем подкладывает яйца в чужие гнёзда?

— Этого тебе не понять.

— Объясни. Может, пойму.

— У нас, кукушат, нет пап, которые бы носили нам корм в гнездо. Одной матери птенцов не выкормить. Потому мы и стали подкидышами. Мать не виновата. И я тоже не виноват.

— Как же не виноват, если выбрасываешь птенцов из гнезда?

— Положи мне на спину сучок, я и его выброшу. Такая у меня чувствительная спина. Не могу терпеть, чтоб ко мне прикасались. Через несколько дней это пройдёт, но в гнезде уже никого нет, пусто. Я один, всегда один...

Соловей больше не расспрашивал. Ему даже стало жалко горемыку, который и другим приносит беду, и сам в беде.

— Я слышал, — помолчав, сказал кукушонок, — будто в жарких странах живёт моя тётя кукушка. Она не подбрасывает детей. Как бы я хотел познакомиться с кукушатами, у которых есть

своё гнездо, настоящие папа и мама. Но где их разыщешь? Африка большая. И чужая.

— Скучаешь? — покосился на кукушонка Тьо.

— Ещё как скучаю! Спой, соловушко, что-нибудь наше. Здесь петь не умеют, только кричат.

Тьо стал насвистывать, но сразу же замолчал, как только появился непрошеный слушатель. На соседней ветке запрыгал молодой попугай, серый, с красным подхвостем.

— Воздушный акробат Жако-сын! — представился попугай. — Срываю фрукты ногами. Говорю на пяти человеческих языках. Отец ругает меня на двенадцати. Кто из вас так приятно посвистывал?

— Он, соловей! — Кукушонок показал на Тьо. — Молодой талант, восходящая звезда.

— Интересно! Сам серенький, и, оказывается, звезда! Никто не знает, что у нас в гостях знаменитость. Я, Жако-сын, первым открыл талант. Маэстро, мы ещё встретимся. А пока до свидания. Чao! Гуд бай!

Через несколько дней, когда Тьо, позавтракав, чистил пёрышки, в воздухе мелькнуло красное подхвостье.

— Гутен морген, бон жур, добрый день, маэстро! Я всё устроил. Вас приглашает высшее общество. Вы увидите настоящий тропический лес. И я буду вашим проводником.

Соловьи любят густые заросли, но в зелёной мгле тропического леса Тьо потерялся, как потерялся бы рыбий малёк, из речки попав в океан.

В северном лесу три-четыре этажа: травы — кусты — деревья. Тропический лес многоэтажен. Не зная зимнего покоя, деревья, которые чуть ли не каждый день поливает тёплый дождь, растут круглый год. За десять—пятнадцать лет они набирают такую высоту и толщину, каких в северных лесах деревья достигают за сто и за двести лет.

Тьо вспомнил опутанные хмелем осины. Каким слабым был хмель по сравнению с могучими лианами тропического леса! Они, словно удавы, сжимали стволы с такой силой, что лопалась кора.

Сначала Жако-сын показал соловью нижний этаж. Сюда не проникали солнечные лучи, и, как в подвале, было полутемно и сыро. Пахло гнилью от устлавшей землю отмершей листвы.

Проголодавшийся Тьо хотел поискать в ней что-нибудь съестное, но попугай его отговорил:

— Там кишат пиявки. Они только и ждут, чтобы к кому-нибудь присосаться. В нашем лесу мало кто ходит по земле.

Перелетая с этажа на этаж, Тью и сам убедился, что главные события жизни здешнего Лесного Народа происходят не на земле, а между землёй и небом.

Всё живое стремилось вырваться к свету. И лестницей, по которой можно было подняться вверх, местом охоты, отдыха, встреч, игр, драк стали стволы и ветки деревьев.

Впервые в жизни соловей пролетал под цветком. Над его головой свешивались с ветки серебристые корни жёлтой орхидеи. Не касаясь земли, висячие корни ловили в воздухе дождевую влагу.

Стволы облепляли папоротники и светящиеся грибы.

Веслоногие лягушки метали икру на широких и влажных листьях.

Щетинистая крыса пробиралась по толстой ветке, как по охотничьей тропе.

Этажи, этажи, этажи...

На одном дремала зелёная змея. На другом пучеглазый хамелеон ловил насекомых, выбрасывая длинный, с присоской язык.

Самым шумным оказался обезьянний этаж. Гримасы, которые корчили гверецы, маленькие обезьянки с длинными белыми волосами на хвостах, напугали Тью.

Но попугай сказал, что с гверециами и мартышками можно ужиться. Гораздо хуже лемуры, чьи огромные глаза светятся в темноте. Это лесные грабители. Ночью они крадут яйца из птичьих гнёзд.

Наконец путешественники долетели то ли до девятого — соловей сбился в счёте, — то ли до десятого этажа. Здесь, по словам попугая, их ждало «высшее общество»: множество нарядных синих, красных, зелёных, оранжевых птиц.

Они криками приветствовали гостя. Хохлатый турако долго стучал по суку клювом, чтобы установить тишину.

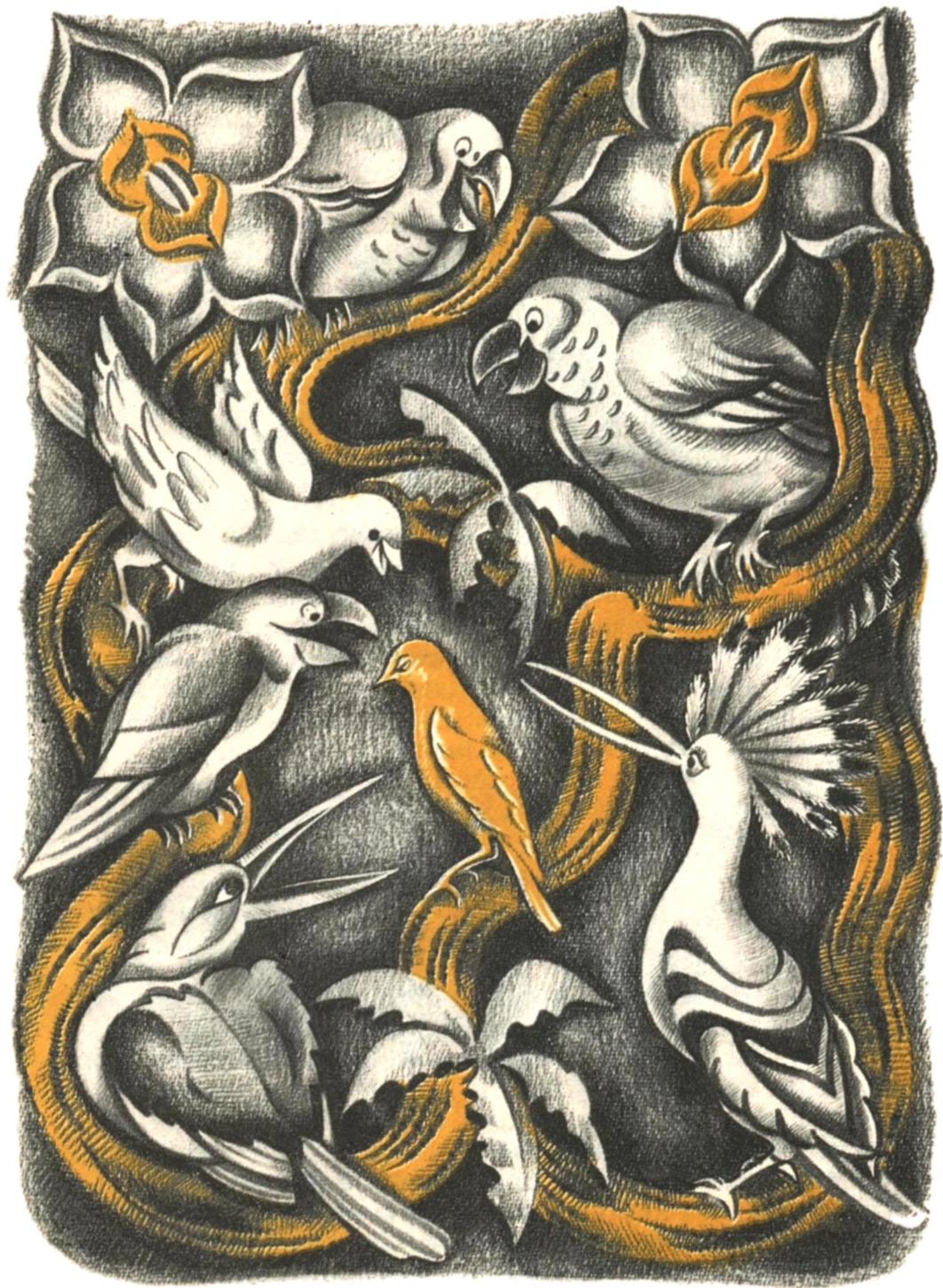
Какая-то ярко-оранжевая птица спросила у соловья:

— Почему вы так бедно одеты? Вам плохо жилось?

— Ничуть! — ответил Тью. — Просто в наших лесах достаточно светло, нам не нужно одеваться ярко.

Потом слово взял Жако-отец. Он хотел узнать, в чём секрет соловьиного пения и не возьмётся ли Тью обучить его сына своему искусству.

— Нет! — покачал головой Тью. — Попугай не сможет петь по-соловьиному, у него слишком толстый язык. А секретов у нас

никаких нет. Наши соседи соловьи стали петь лучше, слушая моего отца, в песне которого было десять строф.

— Десять строф? — удивился турако. — Но нельзя же так долго слушать. Спойте нам что-нибудь покороче.

— Я не смогу, — потупился соловей.

— Что значит «не смогу»? Не хотите?

— Не смогу. Перелётная птица может по-настоящему петь только у себя на родине. Там, дома, с песни начинается семья.

— Но нам обещали концерт, — проворковал зелёный голубь, — что же, нас обманули?

И тут все зелёные, синие, оранжевые закричали наперебой:

— Кто сказал, что этот замухрышка — маэстро?

— Он самозванец! Он вовсе не соловей!

И перепуганный Тью поспешил улететь.

Тью считал, что после скандала никто из «высшего общества» не станет с ним зваться. Однако его навестил Жако-отец.

Попугай спросил: сколько лун видел Тью по пути в Африку?

— Три полных луны, — вспомнил соловей.

— Три полных луны сюда и две обратно. Обратно летят скорей. Пять лун на дорогу. Так стоит ли лететь? Сколько вас погибает во время перелёта? И какие муки в дороге! Ведь это ужасно — мозоли под крыльями... Да ты всё знаешь сам.

— Знаю! — чуть слышно откликнулся соловей.

— Так вот. Забудь лес, который только четыре луны может тебя прокормить. Оставайся у нас. Ты будешь всегда сыт. Чего тебе ещё надо?

— Я хочу спеть свою песню, — сказал Тью.

— Споёшь. Я этим займусь. Мы прославимся вместе. Я уже придумал программу концерта «Тайна весенней ночи». Исполняет восточный соловей по прозвищу «Серебряное горлышко». Тебя признают лучшим певцом мира пернатых. Райская птица подарит тебе перо из своего хвоста. Согласен?

— Нет, мы, соловьи, поём под звёздами, охотимся в траве, гнёзда вьём на земле. В вашем лесу деревья закрывают небо, травы нет, и земля у вас другого цвета — красноватая, не наша земля. На чужбине я свою песню не спою!

— Ну и дурень! — рассердился старый попугай.

Он прибавил и другие обидные для соловья слова на двенадцати языках и улетая, крикнул:

— Ещё неизвестно, умеешь ли ты вообще петь!

Эти слова ранили соловья в самое сердце. Неужели он обма-

нывает себя и других? Самое ужасное, что Тью не мог вспомнить ни одной строфы из песни отца.

Он поселился у озера. Жил одиноко, тихо. И вдруг на него напала тревога. Будто кто-то его зовёт.

Однажды, проснувшись на рассвете, Тью понял, почему его

крылья неудержимо просятся в небо. В нём пробудилась песня. Она и была тем невидимым сигналом, о котором на прощание ему говорил Аук. Песня звала домой.

Она звала не только Тью. К нему прилетели Юи и Фиид. Они разыскали старшего брата, чтобы вместе с ним повторить:
— Пора!

Старый попугай был прав: Обратно летят скорей, ведь это дорога домой. Но всё равно приходилось делать остановки, чтоб запастись «горючим», как советовал Аук.

В долине Нила молодые соловьи встретились с отцом. В часы отдыха они прислушивались к его голосу и сами пробовали напевать.

Но когда взошла полная луна, не стало слышно Фиида. То ли отстал, то ли попался в когти хищнику.

Порой и Тью так уставал, что опустил бы крылья, если бы в нём всё настойчивей не звучала песня. Противиться её зову он не мог.

Кто показывает перелётным птицам дорогу ночью? Эту загадку люди пока ещё не в силах разгадать.

Самой страшной была ночь, когда буря застигла соловьёв над морем. Птиц сносило. Ветер пригибал их всё ниже и ниже к бушующей, белой от пены воде.

Всё вокруг бурлило и клокотало. Перья намокли, крылья ослабели. И негде было приземлиться, чтоб передохнуть.

И вдруг погибающим птицам почудилось, что навстречу им движется лес. Плынут стоймя по волнам высокие деревья с распостёртыми голыми ветвями без листвы.

Это приближался парусник. Соловьи приняли за деревья корабельные мачты, с которых были спущены паруса.

— Летите к деревьям! Лес нас спасёт! — крикнул отец-солошей.

Сам он не долетел, его сшибла высокая волна.

Юи и Тью отчаянным рывком перемахнули через борт и упали на палубу.

Забившись в тёмный угол, они слышали громкие голоса людей, но бушующее море было страшней человека.

К утру буря утихла. Соловьи взлетели на рею, чтоб обсушить на солнышке перья.

— Теперь ты старший, — сказал Юи брату. — Отцовское место в лесу будет твоим. А я поселюсь где-нибудь неподалёку.

— Может, не моим, а твоим, — возразил Тью. — Ещё неизвестно, кто из нас долетит.

И снова они летели над лесами, полями, городами... Всё сильней чувствовалось, что дом близок, и по цвету земли, и по стволам берёз, белевшим при свете второй полной луны.

Но крылья несли Тью дальше. Ему нужна была не просто берёза, а та самая берёзка, та самая рябинка, те самые кусты на краю оврага, где он вылупился из яйца.

И наконец он их увидел.

Он прилетел домой безлунной ночью, но небо было забрызгано звёздами, как лесная трава ночной росой.

Тью нашёл свою любимую ветку и ухватился за неё лапками.

Казалось, что притихшие кусты и деревья чего-то ждут.

Ждёт, выглядывая из-за берёзы, большая голубоватая звезда.

Ждёт сама весенняя ночь.

Горлышко соловья напряглось, крылья затрепетали, клюв раскрылся. И молодые, звонкие, торжествующие звуки рассыпались стеклянной дробью, словно засверкал, застучал, защёлкал по корням и веткам крупный алмазный град.

И все лапы, ступавшие по ночным тропам, замерли.

Все уши насторожились.

Листья без ветра дрогнули.

По лесу пронёсся тихий радостный шорох-шёпот:

— Соловей! Поёт соловей!!

А сам певец так захлебнулся песней, что ничего не слышал, ни лесного шороха, ни голоса Аука:

— Я знал, что ты вернёшься, малыш!

Ни один куст не растёт на лесной земле случайно, ни одна птица, ни один зверь не поселится зря. Все хотят жить, а без еды не проживёшь.

Кто кого в лесу ест? Ты словно перебираешь звенья цепочки: осина—заяц—лиса, ёлка—белка—куница, сосна—лось—волк... Ястреб уносит в когтях тетеревёнка, чей зоб набит ягодами черники. Над оленем тучей кружатся насекомые кровососы. Мышы подбирают опавшие жёлуди, за мышами охотится сова.

Все хотят жить, и всё живое связано между собой. Это закон для всех лесов: и сосновых, и берёзовых, и дубрав, и дальневосточной тайги, где растут и ель, и кедр, и дикий виноград, где живёт самый могучий и красивый из тигров.

Но он, Тигр, кого Лесной Народ признал Повелителем Тайги, этого закона не знал.

Тигр считал, что деревья существуют для того, чтобы тачить

о них когти. Так поступают все кошки. А тигр тоже кошка, хотя и весит более трёхсот килограммов, прыгает на шесть метров в длину и на два метра в высоту и ударом лапы может свалить жеребёнка. Огромная дикая кошка редкой красоты, чей жёлтый с красноватым отливом мех оттеняют бархатно-чёрные полосы.

Ни один зверь не забывает обычай своего рода.

И Тигр не забывал. Как все кошачьи, он охотился в одиночку, подкрадывался к добыче бесшумно. Внезапный, как вспышка молнии, его прыжок был неотразим. Дикая свинья, на которую он напал, даже не успела хрюкнуть.

Стадо продолжало спокойно пасть, не подозревая, что одну из длиннорылых выкрад Тигр.

Прыжкам и подкрадкам Тигр научился в детстве.

— Начнём нашу игру-урок! — изгинаясь, учил малыша длинный и толстый материнский хвост. — Ты охотник, а я добыча. Нападай смелей. Прыжок! Что, получил по носу? Потому что промедлил. Ещё прыжок! Вот теперь хвалю!

Если же кончик материнского хвоста начинал раздражённо постукивать о землю, это означало: «Урок окончен. Не приставай, а то рассержуся. Надо и мне когда-нибудь отдохнуть».

И Тигрёнок должен был довольствоваться игрой с братишинами или со своим собственным хвостом.

Тигрёнок умел понимать и разговор материнского уха, что очень важно, чтобы не заблудиться в лесу.

Три года, пока тигрята не станут самостоятельными, они послушно ходят следом за матерью. Живёт семья скрытно. Подавать голос во время прогулок малышам запрещено.

Но у котят есть путеводный знак — белое пятно на тыльной стороне уха тигрицы. Белое пятно указывает дорогу и предупреждает: «Не отставать! Смотрите на меня и следуйте за мной!»

А шершавый и жёсткий материнский язык обучал полосатых котят чистоплотности.

— Умываться надо по нескольку раз в день, после каждой еды обязательно, — вылизывая котёнка, ласково мурлыкала тигрица. — Иначе сам себя накажешь, охота не будет удачной. Тебя выдаст твой собственный запах.

— И все звери моются так часто? — допытывался малыш.

— В нашем кошачьем роду все. Ну, а что спрашивать с собак? (Собаками тигрица называла волков — зверей из семейства псовых.) Собаки не способны умываться своим гладким слюнявым языком. Они неряхи, от них всегда пахнет.

— А как же они охотятся?

— У них и охота грязная. Гонят добычу скопом. Столько шума, что весь лес трещит. А когда догонят... Да ты увидишь сам.

И Тигр увидел, но взрослым, когда, отделившись от семьи, он уже не ступал след в след за матерью, а разгуливал по лесу сам по себе.

Тигра окликнул сидевший на дереве Бурундук.

Хотя на спине у бурундука всего лишь пять чёрных полосок, у тигра на одном хвосте полосок в два раза больше, но всё же за полосатость Тигр выделил этого маленького зверька и милосердно беседовал с ним.

Все бурундуки очень любопытны.

— Я видел, в кустах лежит мёртвый кабан. Это не ты случайно забыл свою добычу? — спросил Бурундук.

— Я ничего не забываю, — сощурил жёлтые глаза Тигр. — И уж конечно, правил честной охоты, которым меня научила мать. Охотятся для того, чтобы быть сытым. Одного кабана мне хватает почти на две недели. Убыль для стада незаметная, поэтому в моих владениях не переводятся кабаны. Я хочу знать, кто осмелился топтать мою охотничью тропу, скалить зубы на мою добычу. Пять Полосок, покажи мне этого мёртвого кабана.

Хвост у Тигра ходил ходуном, когда он вылез из кустов, на которые ему показал Бурундук. Тигр хрипел, он даже закашлялся от ярости.

— Позор! — глухо рычал Тигр. — Позор охотнику, который не может свалить добычу одним ударом. Бедняга кабан околел от множества ран. Его бока рвали острые зубы. Пять Полосок, можешь ты мне сказать, чьи это были зубы?

— Теперь я понимаю, что волчьи, — вздохнул Бурундук. — И как это я раньше не догадался! Моя родственница белка выделяла в лесу ещё и других оклевавших подранков. И ещё белка мне сказала, что кабаньего стада больше нет. Его разогнали волки. Те кабаны, которые уцелели, разбежались от страха куда.

— Так, так! — Тигр в бешенстве охлёстывал себя хвостом. — Теперь я знаю, что такое грязная охота, о которой мне рассказывала мать. Запомни, Пять Полосок, это больше не повторится. Я не позволю собакам разбойничать в моих владениях. Пусть убираются прочь, если хотят оставаться в живых.

— Но я не смогу передать им твой приказ, — пробормотал Бурундук, — я боюсь...

— Ничего передавать не надо. Сами узнают.

И они узнали.

Волчья стая — это большая семья. В ней, кроме пары старых волков, входят и молодые звери двух выводков: и двухгодовалые, и те, которым ещё не исполнился год.

Руководит стаей волчица.

Почему, по общему молчаливому согласию, ей доверено идти первой? Потому, что она мать. У неё самые чуткие уши и самые зоркие глаза. Она привыкла видеть и слышать не за себя одну, а за всех тех, кто послушно ступает в проложенный ею след. Это её дети, её семья.

И на этот раз волчица, по обычаям, вела стаю. За ней цепочкой — молодые, замыкал шествие старый волк.

Внезапно волчица резко остановилась, словно попав лапой в капкан.

Все замерли.

— Что ты увидела, мать? — встревожился старый волк.

— След, который принесёт нам беду! След кошки!

Вражда кошек и собак — вековая, старинная вражда. Но если на городском дворе собака гоняет кошку, то в тайге дикая полосатая кошка с клыками в семь сантиметров длиной могла отомстить семейству собачьих за все обиды, когда-либо нанесённые семейству кошачьих.

Волчья семья жила в тревоге. Стая недосчиталась одного волчонка.

Потом так же загадочно исчез и второй.

— Надо уходить, — сказала волку волчица. — Недаром моё материнское сердце чувствовало беду. Эта проклятая кошка не успокоится, пока не переловит всех нас.

И, поджав хвосты, волки ушли.

Уступив тигру охотничью тропу, они тем самым признали, что сильней полосатой кошки в тайге зверя нет.

Полосатая кошка поразила Лесной Народ и своей смелостью.

Раздался отчаянный крик сойки:

— Тревога! Идёт человек!

Для диких зверей и птиц нет ничего страшней, чем встреча с человеком. Все попрятались, кто в дупло, кто в нору. Все, кроме Тигра, который продолжал лежать в своей излюбленной позе: задние лапы поджаты, передние вытянуты вперёд.

Потом он лениво зевнул, не спеша поднялся и, бесшумно ступая, пошёл по следу человека.

Наверное, ты слышал или читал, что в Индии встречаются тигры-людоеды. Но стали они людоедами по вине искалечивших их незадачливых охотников. Живучие, как все кошки, раненые, но недобитые, хищники выжили. А калека-тигр уже не способен

преследовать кабанов, охотиться на оленей. Он вынужден искать более лёгкую добычу.

Но Тигр, про которого я тебе рассказываю, был молод и здоров. Он шёл по следу не для того, чтобы убить, а чтобы узнать, что собирается человек делать в его владениях. И когда убедился, что человек ничего дурного против него не замышляет, спокойно вернулся на прежнюю лёжку.

Вот тогда-то за смелость и силу Лесной Народ признал Тигра, единственного из зверей, который осмеливается идти по следу человека, Повелителем Тайги.

В этот солнечный день Повелитель Тайги был в прекрасном настроении. На земле валялся корешок, вырытый чьим-то рылом или копытом. Тигр понюхал корешок. Кошачьи длинные и жёсткие усы задумчиво зашевелились. Пахло детством.

Точно такой же запах был у корешка, который Полосатый нашёл, ещё будучи котёнком. Братишко стал у него отнимать находку, а он не давал. Братишко наскакивал, а он убегал.

А потом сам налетел на братишку, повалил его на землю и лапами его, лапами...

И сейчас, вдохнув запах детства, могучий зверь повалился на землю и стал кататься по ней, играя сам с собой.

Ему было очень весело, пока он не услышал тихий голосок:

— Уважаемый! Ты нам очень мешаешь. Мы тебя убедительно просим: подвинься чуть-чуть.

Тигр замер. Какой позор! Повелителя Тайги застали за детской игрой, недостойной ни его положения, ни возраста.

— Кто это говорит? Почему я тебя не вижу? — осторожно спросил Тигр.

— Протяни лапу и увидишь.

Тигр протянул лапу, чей передний коготь длинней твоего пальца. На лапу взбежал муравей.

— Так это я тебе, козявка, мешаю? Тебе не хватает места в лесу?

— Уважаемый, пойми: у нас стройка. Мы подносим строителям балки и брёвна. А ты разлёгся на самой дороге и расшвырял наших грузчиков хвостом.

— Верно, хвост у меня здоровый! — согласился Тигр. — Ещё бы! В тайге нет мне равных. Я сильней всех!

— Как сказать, — возразил муравей. — Олень, которого ты взваливаешь на спину, легче тебя, а я поднимаю груз в два раза больше себя весом. Но не будем спорить, кто из нас сильней. Все вместе, большие и маленькие, мы — лес! Ты — лес, и я — тоже лес! Все мы лесу нужны, а значит, и все равны.

Тигра так удивили эти слова, что он раскрыл пасть, но ничего не смог ответить, только нервно зевнул.

Повелитель Тайги был вспыльчив, но отходчив. Может быть, всё обошлось бы, если бы в разговор не вмешалась кедровка.

— Он правду сказал: муравьи нужны. Как и мы, птицы, они защищают деревья от вредных гусениц. А ты, Полосатый, ничего не понял, размахался хвостом...

— Молчать! — рявкнул Тигр. — Чей хвост? Мой! Хочу — и размахиваю. И нечего меня учить: нужны... равны... Кому нужны муравьиная куча и вы, крикуньи, которые только и умеете, что капать зверям на голову. Убирайтесь из леса! Чтоб я вас больше не видел. Проживём без птиц и муравьёв.

Утром Тигра разбудили птичий голоса. Тучей поднявшись в небо, птицы кричали:

— Мы улетаем! Ты ещё пожалеешь, Полосатый, что нас прогнал!

Между деревьями, изгибаясь, двигалась длинная колонна муравьёв. Они шли, как на парад, строем, унося в лапках белые куколки, которые мы называем муравьиными яйцами.

— Уходят. Обиделись! — фыркнул Тигр. — Возможно, вчера я погорячился. Но они сами меня довели. «Ты — лес, я — тоже лес...» Равнять меня с козявками! Невозможно слушать подобные дерзости.

И всё же настроение у Повелителя Тайги было испорчено.

Со временем всё забывается, и Тигр забыл эту неприятную историю. По-прежнему были зорки его глаза, чутки уши, бесшумна поступь. Неутомимый лесной бродяга, он мог за день пройти и тридцать, и даже пятьдесят километров.

Но то ли охотничье счастье ему изменило, то ли что-то случилось в лесу — кабаны и олени перестали попадаться на его пути. Тигр не был жаден на еду и мог голодать подолгу. Однако на этот раз пост слишком затянулся.

— Ты не знаешь, Пять Полосок, — спросил Бурундука Тигр, — куда девались кабаны и олени? Никак не пойму.

— А ты взгляни вверх! — грустно ответил Бурундук.

Тигр поднял голову и тут только заметил то, чего раньше, занятый самим собой, не замечал.

Ещё не наступила пора листопада, а на многих деревьях не было листвы. Однако на голых ветках что-то шевелилось.

И когда Тигр рассмотрел, что это шевелится, он, ничего не боявшийся, почувствовал, что ему страшно. Страшно и гадко. На голых ветках покачивались гусеницы, словно маленькие змейёныши, вставшие на хвосты.

Полчища гусениц погубили листву и теперь выглядывали, что им ещё можно съесть.

— Нашествие многоногих! — чуть слышно прошокал Бурундука. — Их некому остановить — ты прогнал птиц и муравьёв. Они, как пожар, всё погубят. Желудей не будет, орехов не будет...

— Меня не интересуют орехи и жёлуди, — оборвал Бурундука Тигр. — Моя добыча — кабаны и олени.

— Да ты что? Не знаешь лесного закона? — удивился Бурундука. — Не будет орехов и желудей — не будет корма кабанам и оленям — не будет и тебе добычи. Сам видишь, они ушли.

— А ты почему не ушёл?

— У меня в норке ещё сохранились прошлогодние орехи. Отборные, червивых я не беру. Кончатся мои запасы, и я уйду. Ты тоже уйдёшь. Лесной закон говорит, что все мы...

— Не признаю никаких ваших законов! — зарычал Тигр. — Я сам себе закон! И никуда я не уйду!

Ведь не ушёл же он в самую трудную для него зимнюю пору. Все его родичи живут в тёплых странах. Он, единственный из тигров, ходит зимой по снегу.

Мартовский наст — волчий снег. Их, легконогих, он держит. А под грузным тигром проваливается, и льдистая корочка режет лапы в кровь. Легко ли ходить на израненных лапах, оставляя на снегу кровавые следы? Но он не ушёл, потому что здесь его родной дом. А сейчас в родном лесу стало голодно, тоскливо и тихо. Ни птичьих голосов, ни хруста сучка под копытом оленя, ни топота кабаньего стада.

Опустив голову, Тигр постоял возле затихшего муравейника. Раньше здесь суетились муравьи: строители, няньки, грузчики... Сейчас дом из хвоинок был пуст. Ушли!

Пять Полосок сказал: «Ты тоже уйдёшь!» Неужели, прогнав птиц и козявок, он прогнал из леса и самого себя? Если он останется, то протянет лапы от голода.

В траве возле ручья прыгали лягушки. Голодный Тигр, придавив лапой, поймал лягушку и с отвращением проглотил.

На другой день Тигр снова появился у ручья. Но догадливые лягушки дружно бултыхнулись в воду.

— Спасайтесь! Это он! Это тигр-лягушатник!!

Старая бабушка-лягушка, прежде чем нырнуть, погрозила Полосатому лапкой и проквакала:

— До чего дошёл! За лягушками охотится. И тебе не стыдно? А ещё тигр...

Да, Тигру было стыдно. Очень стыдно. Но ему нестерпимо хотелось есть.

Полосатый снова завёл разговор с Бурундуком:

— Ты не мог бы, Пять Полосок, передать им... ну, тем... то есть этим... ты понимаешь, о ком я говорю... чтобы они вернулись? Я ничего не имею против. Я даже соскучился без них.

— Они не вернутся, пока ты не извинишься,— сказал Бурундинук.

Извиниться ему, Тигру?! Да он так горд, что, промахнувшись — это, правда, случается крайне редко, — не повторяет

прыжка, а срывает свою злость на дереве, царапая кору когтями... И перед кем извиняться?

Тигр залёг под деревом, положил морду на лапы и зажмурился. Он будет спать. Спящего не так мучает голод. А может, он увидит во сне молодого оленя или жирную свинью?

•Но Тигру приснилась гусеница. Толстая, длинная, как его хвост. Она шипела по-змеиному: «Всех съем! И тебя съем!»

Тигр проснулся от щелчка по лбу. Это Бурундинук, бегая по ветке, бросил в него орех.

— Ты можешь спать, когда твой лес, наш лес погибает? Я знаю, ты гордый. Но пересиль себя, шепни словечко ручью. Он быстрый и далеко бежит, он передаст кому надо.

Вечером, прия на водопой, Тигр долго всматривался в своё отражение. Всё ещё красив, хотя сильно похудел. Когда лесу плохо, всем плохо.

Тигр тяжело вздохнул и низко-низко наклонился к воде.

Что сказал Тигр, кроме ручья, никто не слышал. Но должно быть, что-то необыкновенное, потому что ручей от удивления так высоко подпрыгнул, что чуть было не выплеснулся из берегов.

А потом побежал, побежал, побежал, торопясь унести слово Тигра.

Ручей добежал до тех мест, куда по вине Тигра откочевал Лесной Народ. И все они — звери, птицы, муравьи — узнали

удивительную новость: Тигр извинился, Повелитель Тайги признал лесной закон.

Говорят, что там, где ручей впадает в речку, на песчаной отмели отпечатались лапа тигра, копыта кабанов и оленей, птичьи коготки, муравьиные ножки — много разных следов.

Обитатели тайги расписались в том, что им известен лесной закон.

Говорят, что эти подписи смыло дождями. Но они были.

Если тебе случится увидеть на берегу лесного ручья отпечатки звериных и птичьих следов, приложи к земле ладошку, оставь и свою подпись.

Лесной закон о том, что надо беречь и зверя, и птицу, и муравья, и дерево, и гриб, и цветок, и шмеля, и ягоду, потому что всё живое связано между собой, должен знать и человек.

Если хочешь увидеть чудо, пойди весной в лес.

Чудо белым от темноты, безглазым ростком вылезает из-под земли. Откуда он там, в подземелье, знает, что наверху свет?

Чудо расцветает подснежником, чьё дыхание топит снег.

Чудо летит на птичьих крыльях через леса, горы, моря. У перелётной птицы нет карты и компаса, но она не сбьётся с пути.

Шёл по лесу молодой кудрявый парень. Что только не почудится тому, кого околдовала весна! Парню казалось, будто он понимает птичий и беличий языки, видит, как движутся у деревьев весенние соки, слышит, как под землёй ворочаются корни, что он сам растёт, как трава.

Около родника стояла молодая, стройная ёлка. Парень поздоровался с ней, как здороваются со знакомой девушкой. Он даже ей подмигнул.

Но когда он наклонился к роднику, чтобы напиться, то увидел, что в воде отражается уже не ёлка, а девушка дивной красоты.

Волосы у неё были сизо-чёрные, цвета спелой черники. Платье зелёного мха-бархата расшито хвоинками, сладко пахнущими смолой. На шее алмазное ожерелье из утренней росы. Вместо серёжек две молодые красноватые ёловые шишки.

На плече у девушки сидела белка.

— Я словно чувствовал, что сегодня с тобой встречусь! — сказал парень. — Здравствуй, Лесная Краса!

— Здравствуй! Кто ты такой и куда идёшь?

— Я сирота. Иду в село. Там у меня тётка. Да вот шёл через лес, и так он меня заворожил, что не хочется с ним расставаться. Год поживу в селе, кое-чем надо обзавестись, а следующей весной, когда запоют соловьи, зацветут ландыши, поселясь в лесу. Я решил стать лесником.

— Что ж! Лесной Народ будет рад другу. Но через год ты забудешь свои слова.

— Лесную красоту не забудешь. Приду не один, найдётся девушка, которая полюбит и меня, и лес. Ты передашь ей кольцо, которое я здесь оставлю.

И уже не слыshно в лесу человеческого голоса. По-прежнему в родниковой воде отражается молодая стройная ёлка. Только теперь на одной из её веток поблескивает кольцо.

Это кольцо долго не давало покоя сороке, которая льстится на всё блестящее. Она уговаривала Лесную Красу:

— Отдай мне кольцо. Тебе оно ни к чему. А я собираю коллекцию.

— Не проси. За этим кольцом придёт человек, который обещал стать лесу другом и защитником.

Прошёл год и побольше года. Кончились соловьиные ночи. Отцвели ландыши, чей аромат — последнее дыхание весны.

В лесу запахло по-летнему: спелой земляникой, раздавленной чьей-то неуклюжей лапой, распаренной полуденным зноем хвоей.

А однажды горько запахло дымком. И все птицы и звери встревожились. Пожар для Лесного Народа страшное несчастье.

Сорока, прилетев к роднику, отчаянно стрекотала:

— Чуть было не сгорели! Какой-то растяпа оставил в лесу костёр. Искра попала на сухую траву, и трава затлелась. Медведь катался по ней, тушил своим телом. Ему, бедняге, сильно опалило шерсть, Барсуки спешно рыли канаву, чтоб огонь не

пошёл дальше. Лоси топтали искры копытами. Едва справились с огнём. Не было доброго человека, чтоб помочь лесу в беде. Где же тот, кто обещал быть нашим другом и защитником?

— Слетай в село и узнай! — нахмурилась Лесная Краса.

Когда сорока вернулась из села, её ступенчатый синевато-зелёный хвост дрожмя дрожал от возмущения:

— Обманщик! Верь после этого людям. Про кольцо, про лес, про всё забыл. Завтра он уезжает в город.

Звери притихли. Птицы замолчали. Цветы опустили головки.

Но мудрая ворона Кар-Кара, пригнувшись к суку, прокаркала:

— Поехать-то он поедет, а вот доедет ли...

Крики сороки услышали кроты, прокладывая подземный тоннель. Земля, которую выбрасывали лапы-лопаты, перестала шевелиться. Крот — начальник в бархатисто-чёрной шубке — приказал:

— Кончай работу. Оповестить всех наших, и тех, кто живёт на огородах: сбор в полночь на околице, возле первого плетня.

Сорока кричала и над крышей бобровой хатки. Слышали ли её? Неизвестно. Каждый зверь знает своё время. Днём бобры спят.

Знают своё время и цветы. Цветок шиповника раскрыт с пяти утра до восьми вечера. А вот кислица — соня. Она просыпается в десять утра и уже в шесть часов вечера смыкает лепестки.

Знают своё время и птицы. На заходе солнца поёт зарянка, чьи грудь и горлышко ярко-оранжевые, цвета вечерней зари.

Взлетев на макушку молоденькой ёлочки, зарянка, по обычаю семейства дроздовых, вздрогнула хвостик и поклонилась. От имени всех малых птиц, которые боятся темноты, она попрощалась с солнцем, поблагодарила его за прожитый светлый день.

— Солнце заходит! Свет гаснет! — пропело оранжевое горлышко. — И нам, птицам, детям света, спать пора! Спать пора!

Огненные краски заката потухли, и все дневные малые птицы спрятали голову под крыло.

Было совсем темно, когда семейство белой трясогузки разбудил прокатившийся по реке гул. Будто выстрелили из ружья.

— Мама, слышишь, охотники стреляют! — пискнул птенец.

— Спи спокойно, сынок! Охотники малых птиц не стреляют. Это бьют тревогу бобры.

Как ты уже знаешь, семьи бобров делят между собой лесной берег и речку, и всё лето старые бобры несут службу часовых.

Заметив, что трое соседей бобров нарушили невидимую гра-

ницу, часовой поднял тревогу, ударив по воде широким плоским хвостом.

— Кто осмелился мутить личную воду моей семьи?!
Но когда нарушители объяснили, почему в эту ночь им необ-

ходимо по лесной речке доплыть до большой реки, часовой не стал их задерживать. Сам поплыл с ними.

На пути по сигналу тревоги к ним примыкали всё новые бобры.

Утром село проснулось. Замычали коровы, задымили печные трубы. Запахло молоком и дымом. В седьмой раз пропели неутомимые горластые петухи.

По пыльной дороге затарахтела телега. Село покидал кудрявый парень.

Как только выехали за околицу, конь споткнулся, попал копытом в кротовину.

Вытащил правую ногу, провалилась левая.

А потом и обе ноги провалились. И колёса тоже.

Откуда взялось столько кротов, чтобы взрыть, перекопать просёлочную дорогу за одну ночь?

Конь стал. И понукали его, и по-доброму уговаривали, и кнутом стегали, но он упёрся. Дальше не повёз.

Кудрявый парень дошёл до реки пешком. Дальше дороги не было. Нельзя переправиться через реку, если рухнул деревянный мост.

— Придётся тебе, парень, вернуться обратно, — сказал сидевший на берегу рыбак. — Кто-то ночью подпилил сваи, чудно подпилил, не по-человечьи! После пилы получается ровный срез. А здесь... Погляди сам.

Из воды, словно огромные колья, торчали острые концы спиленных свай.

— Как думаешь, чья это работа?

— Откуда мне знать!

— Похожие пни-колышки мне случалось видеть в лесу. Так пилият деревья бобры. Одного не пойму, зачем им надо было спилить мост?

Прошёл год и побольше года. Осень позолотила берёзы и клёны. А в густых зелёных ветвях молодой ёлки засеребрились паутинки, словно ранняя седина.

Осенью быстро темнеет, но в лесу не собьёшься с дороги. От опавших на землю золотых листьев будто идёт свет.

Потом золотая земля стала бурой. Лист пожух, потерял свою красоту. Его подморозило, он стал хрустким, звонким. Кто не пройдёт, всё слышно — и заячий поскок, и лисью рысь.

Но в лесу были слышны и выстрелы. Браконьеры никого не жалели, даже лосёнка, которому не исполнилось года. И некому было их остановить.

Заяц-беляк укрылся от охотников в частом ельнике. Он уже перелинял, а снега всё не было. Белый заяц на тёмной земле виден издалека. Вот он и отсиживался под зелёным рукавом у Лесной Красы, пока на зелёном рукаве не повисло кружево инея, пока земля не стала снежного цвета, как его мех.

Тут заяц осмелел и стал по ночам бегать на деревенские огороды и в яблоневые сады.

Лесная Краса попросила зайца:

— Длинное Ухо! Послушай, что брешут деревенские собаки про кудрявого парня, который обещал стать лесником.

Всю ночь заяц просидел на огороде. Ни одна собака его не заметила, белого, как сугроб..

В небе, словно половинка серебряного ошейника, блестел мо-

лодой узкий месяц. Глядя на него, деревенские барбосы брехали про собачье счастье иметь тёплую конуру, про большую кость, из-за которой у них была вседеревенская драка, про то, про сё и про кудрявого парня, который завтра уезжает в город.

Лесная Краса выслушала зайца молча.

Но лесное эхо снова повторило воронье карканье:

— А вот... доедет ли?...

По накатанной дороге лошадь бежала резво. И вдруг захрапела, взвилась на дыбы.

Возница и ездок вывалились в снег.

Чего испугался конь? Сугроба, который на четырёх лапах перебежал дорогу под самой его мордой.

Да если бы один сугроб! А то чуть ли не все сугробы в поле ожили, забегали, запрыгали, заскакали через дорогу.

— Так ведь это же зайцы-беляки! — догадался возница. — Дурная примета. Дальше я не поеду. Нет тебе, парень, дороги. Похоже, что кто-то тебя не пускает.

— Похоже. А вот кто и почему не пускает, я не пойму...

Прошло ещё время. Солнце повернуло на весну. Тепло от нагретых солицем стволов растопило снег до земли, и подножия деревьев окрасили тёмные круги.

В отголоске вылезла из норки тощая мышь и юркнула под ёлку, где на снегу валялись шишки. Шишка, которая побывала в зубах у белки, мыши не поживиться, от неё остался один стержнёк. Другое дело шишка, которая оторвалась с ветки потому, что на ней повис клёст.

Он и своих птенцов кормит еловыми семенами, оттого и вьёт гнездо в зимние морозы, не дожидаясь весны, когда из шишек высыпятся семена.

Сейчас было самое время клесту петь у гнезда. Но он молчал.

— Крючконос! Что с тобой? — спросила Лесная Краса. В этом году шишек много, должны быть сыты и ты, и твоя семья. Почему же ты не поёшь колыбельную?

— А кому мне её петь? — грустно ответил клёст. — Мои птенцы погибли. Дерево, на котором я свил гнездо, спилили жадные руки. Никто нас не защитил.

Лесная Краса огорчилась и попросила мышь:

— Серая Спинка, сбегай в село, разузнай, разнюхай, что по-делывает кудрявый парень. Помнит ли он про кольцо, которое оставил в лесу?

И протянулись на снегу две тоненькие цепочки мышиных следов: одна из леса в село, другая из села в лес, чтобы д доложить Лесной Красе, что тот, о ком она спрашивала, завтра уезжает в город.

Тут Лесная Краса не выдержала:

— Ждала я, ждала. Терпела, терпела. Посыпала и птиц, и зверей. Ничего он не понял. Придётся самой напомнить ему о себе.

Утро выдалось солнечное, искристое, весёлое.

Под полозьями — сахарный скрип снега. Бубенчики по-сириничьему, по-весеннему звенели, заливались под дугой.

Ехали через лес. Вдоль дороги тёмной стеной стоялиувешанные шишками ёлки.

И вдруг — бац!

Одна шишка сорвалась с ветки и упала на грудь кудрявому парню. Он взял её в руки, поднёс к лицу. От смолистой шишки пахнуло лесом, таким знакомым, таким родным...

— Поворачивай назад! — крикнул кудрявый парень вознице. — Век не забуду эту еловую шишку. Она мне в сердце постучалась. Теперь я знаю, что не могу жить без леса. Не могу и не хочу.

Как только стаял снег, к ёлке, что росла у родника, пришли двое: парень и девушка.

— Лесная Краса! — сказал парень. — Вот моя невеста!

Девушка протянула к ёлке руки.

Мохнатые ветки качнулись. И на девичью ладонь упало кольцо.

На их свадьбе гулял весь Лесной Народ. Кувыркались зайцы, обнимались медведи, тявкали лисицы, цокали белки, топали ежи, квакали лягушки.

Слышно было, как на лесной речке, ударяя по воде хвостами, салютуют бобры.

Не смолкая ни днём, ни ночью, пел птичий хор.

Дятел, клювом пробив в берёзовом стволе дырочки, откупорил дерево, словно огромную белую бутыль. И всех угощал берёзовым соком: и жениха, и невесту, и белок, и жуков, и мотыльков, и, конечно, самого себя.

Как предсказала мудрая Кар-Кара, у Лесника и Лесничихи было много детей. Когда они выросли, у них тоже родились дети. И у этих детей тоже родились дети, а потом внуки, правнуки... Так было их много, что всех не сосчитать.

Потому-то сейчас их можно встретить в любой стране земного шара, в сёлах, посёлках, городах. Но где бы они ни жили, на каких языках ни говорили, они хотят одного.

Они хотят, чтоб каждую весну расцветали подснежники, курлыкали в небе журавли, пели весенней ночью соловьи, расселяясь по лесным речкам бобры, чтоб не переводился Лесной Народ, чтобы всегда радовала людей лесная краса.

Если ты любишь лес, то и ты этого хочешь. Береги всё живое. Пусть никто из Лесного Народа не будет обижен тобой.

Можно не быть лесником, можно не вешать кольцо на ветку, лишь бы сердце твоё осталось в лесу.

ПРО САМОГО АУКА

Кто он такой?	5
Какой у него характер	7
Как грачи искали весну	11
Поющие, цветущие и жужжащие числа	13
Девочка Брусничка и Лесной дед	21
Не уходи, Аук!	28

ПРО ВНУЧЕК И ВНУКОВ АУКА И ПРО ВЕСЬ ЛЕСНОЙ НАРОД

Почему у зайца нет норы	35
Почему осенью падают листья	44
Почему филины не летают при солнце	49
Почему ландыш белый	56
Откуда у дятла красная шапочка	59
Приключения Бобра	67
Как Ивушка породнилась с речкой	76
Возвращение соловья	83
Как Тигр извинился	93
Как еловая шишка повернула сани обратно	102

К ЧИТАТЕЛЯМ
Отзывы об этой книге
просим присыпать по адресу:
125047, Москва, ул. Горького, 43.
Дом детской книги.

Для младшего школьного возраста

Надежда Августиновна Надеждина

НЕ УХОДИ, АЛК!

Лесные сказки

ИБ № 5742

Главные редакторы А. И. Доукова и С. В. Орлова-Михайлова. Художественный редактор А. Э. Колпакова. Технические редакторы С. Г. Маркович и Г. Г. Рыжкова. Корректоры И. И. Мокина и Т. К. Мочалова. Сдано в набор 27.05.82. Подписано к печати 15.03.83. Формат 70×100^{1/16}. Бум. офс. № 1. Шрифт литературный. Несколько оффсетных. Усл. печ. л. 9,1. Усл. кр.-отт. 20,15. Мн. илл. л. 7,3. Тираж 100 000 экз. к/з № 1650. Цена 45 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам культуры, полиграфии и книжной торговли. Москва, Центр, М. Черкасская пер., 1. Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР. Ростов-на-Дону, с/п «Графиком» Госкомиздата РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

45 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»